ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ

„ОСНОВА"
1924

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ

4—17 апреля 1912 г.

Книгоиздательское Товарищество
„ОСНОВА“
Иваново-Вознесенск
1924

Напечатано в типолитографии «КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ»
Книгоиздательского Т-ва «Основа», г. Ив.-Вознесенск
Тираж 3000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Сборник „Ленский расстрел“ составлен по типу сводной книги хрестоматийного характера.

Нужда в подобных хрестоматиях по отдельным моментам рабочего движения ощущается давно. За последнее время вышло несколько таких сборников: „9 Января“, „Парижская Коммуна“ и др.

Между тем Ленские события—один из важнейших эпизодов рабочего движения—почти совершенно не использованы в подобных изданиях.

Настоящее издание должно пополнить этот пробел и дать, как рядовому читателю, так и рабочим клубам материал для освещения расстрела на Лене.

Настоящий сборник составили Н. Застенкер и Н. Рубинштейн.

Иваново-Вознесенск
2-го апреля 1924 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Сборник „Ленский расстрел" составлен по типу сводной книги хрестоматийного характера.

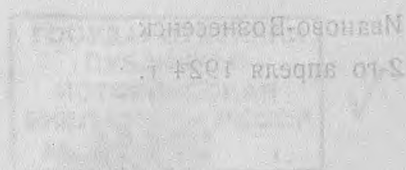
Нужда в подобных хрестоматиях по отдельным моментам рабочего движения ощущается давно. За последнее время вышло несколько таких сборников: „9 Января", „Парижская Коммуна" и др.

Между тем Ленские события—один из важнейших эпизодов рабочего движения—почти совершенно не использованы в подобных изданиях.

Настоящее издание должно пополнить этот пробел и дать, как рядовому читателю, так и рабочим клубам материал для освещения расстрела на Лене.

Настоящий сборник составили Н. Застенкер и Н. Рубинштейн.

Иваново-Вознесенск.
2-го апреля 1924 г.

Ленские события.

4-го апреля 1912 года царское правительство расстреляло мирную невооруженную толпу рабочих, шедших с требованием улучшить свое положение. Не в первый раз рабочему классу приходилось платить кровью за попытку подняться против гнета капитала.Но размер бойни (250 убитых, 280 ранен.) и то совершенно исключительное значение, какое имели Ленские события для развития революционного рабочего движения вынуждает нас внимательно разобраться в этой беспримерной драме.

1. Добыча золота на Ленских золотых приисках достигала 20% всероссийской и 30% всесибирской добычи золота. Чрезвычайно важный в народном хозяйстве России район, занимавший до 6000 рабочих, находился целиком и полностью в собственности Ленского Золотопромышленного Товарищества (сокращенно: «Лензолото» или «Лензото»).

Эта могущественная промышленная кампания имела в своем распоряжении пространство земли, равное небольшому европейскому княжеству, распоряжалось тысячами рабочих и фактически всем окружным населением глухой Сибирской тайги. Район деятельности «Лензолото» находится в Витимской золотоносной системе, являющейся частью Олекминского горного округа и расположен, главным образом, в районе речки Бодайбо (правый приток реки Витима). Этот далекий Сибирский угол отделен от ближайших станций жел. дор. расстоянием в 1.800 верст, и в течение весны и осени совершённо отрезан, кроме тонкой ниточки телеграфа, от всего остального мира. Климат дикий и суровый, зима необычайно жестокая и длится три четверти года. Властелин тайги—«Лензолото» развилась из небольшой промышленной компании, основанной в 1861 г. В 1882 году этой кампанией завладевают крупные капиталисты—барон Гинзбург, торговый дом Майер и Комп., и с этого времени необычайно расширяют свою деятельность и распространяют свою власть на этот богатый золотоносный район. В течение 9—10 лет «Ензолото» устраняет из Витимского района всех конкурентов и сосредоточивает в своих руках 423 прииска с 38.642 дес. земли, из которых 369 приисков с 32.368 десятин земли составляет полную собственность «Лензолото», и только остальные арендованы у Государственного Банка. Быстрый рост и колоссальная прибыль, получаемая этим могуществен-

ным капиталистическим магнатом, об'ясняется так же и тем, что государственная власть, как через посредство колоссальных кредитов, выдававшимся Государственным банком «Лензолото», вопреки всяким законам, так и личной унией государственной власти с Правлением «Лензолото» (выражавшейся хотя бы в том факте, что Директор «Лензолото» Тимирязев был раньше Министром Внутренних Дел, а Министр Торговли и промышленности Тимашев состоял в личной дружбе с Управляющим приисками «Лензолото» Белозеровым и т. д.) всячески помогала росту этого могущественного капиталистического предприятия.

Но не только русское царское правительство и не только русские капиталы поддерживали головокружительный успех «Лензолото». На помощь ему пришли также заграничные капиталисты. Когда, выполняя свой план захвата всего округа, Лензолото терпело в течение ряда лет убытки, и рессурсы государственной казны были в значительной степени исчерпаны (задолженность «Лензолото» Государственному Банку в 1903 году равнялась сумме в 7.000.000 рублей) к нему на помощь пришло Английское Акционерное Общество «Лена Голдфилдс», скупившее ¾ его акций и влившее свежую золотую кровь в его жилы. Таким образом брак с англичанами и щедрое внимание царской казны укрепили «Лензолото». С 1904 года его рост увеличивается и прибыли растут, увеличившись до 1910 года почти в 80 раз. Дивидент, полученный акционерами «Лензолото» в 1909 году был равен 41,7%, а в 1911 году—56% фактической стоимости вложенного капитала. Ленские акции квалифицируются биржей, как наиболее выгодные и «крепкие».

Эта сила и мощь «Лензолото» особенно ясно видна на месте. Здесь перед нами целое феодальное владение, хозяином которого является великое «Лензолото». Кроме того, что все прииски и подсобные предприятия находятся в его руках, оно содержит и государственный аппарат. «Лензолото» содержит горно-полицейскую стражу с помещением, отоплением, освещением и содержанием, свои места заключения и тюремщиков, двух добавочных мировых судей, двух горных исправников; больницы, церковь, почта все в руках «Лензолото». Власть его была настолько могущественна, что даже царские чиновники вынуждены были обратить на это внимание высшего начальства и указать на ненормальность такого исключительного сосредоточения власти, но сверху последовал окрик и предложение не вмешиваться не в свои дела. «Лензолото» было у правительства «своим человеком». Ленские расстрелы докажут нам это еще более наглядно.

2. Главными подданными «Лензолото» были Ленские рабочие, большинство которых состояло из крестьян, выходцев Европейской и Азиатской России беспросветной нуждою вынужденных искать в тайге пропитание или гнавшихся за «фартом»,

за золотом. Они привозили с собой семью, чтобы здесь, на Лене прожить и заработать деньги. Состав был чрезвычайно текучим, одни приходили, другие уходили. Каково было их правовое положение? Основным документом, определявшим его, был договор найма, по которому операционный год исчислялся с 1-го сентября по 1-е сентября. Рабочий обязывался исполнять «всякого рода горные, цеховые и домашние работы на приисках и резиденциях «Лензолото»; рабочий день устанавливался летом в 11½, а зимой—в 11 часов без перерыва на еду; особенно интересен пункт договора, который не требует пояснения—приведем его: «На прииски мы должны, нанявшись на работы являться одни, семьи свои можем приводить не иначе, как получив на то письменное разрешение из управления и, в последнем случае, пришедших с нами женщин и подростков обязуемся по требованию Управления посылать в работу, отказываться от которой прибывшие с нами члены семьи не в праве. В случае несогласия со стороны мужа (отца или брата), на удаление семьи с прииска по предложению Управления, Управление вправе рассчитывать рабочего, как нарушившего контракт. Женщины и подростки, будучи назначены в работу, получают те же книжки и подчиняются тем же правилам, что и остальные рабочие». До окончания срока этого договора никто из рабочих, без особо уважительных причин не имел право требовать расчета; Управление же могло уволить во всякое время по одной из следующих причин: а) за неспособность к работе; б) за неявку на работу более трех дней сряду без уважительной причины; в) за леностью; г) за дерзость или дурное поведение; д) в случае обнаружения у кого-либо из рабочих заразительной болезни; е) за сборища толпами, угрожающие порядку и спокойствию и ж) за всякое вообще нарушение в чем либо настоящего договора. Таким образом по этому договору, рабочий со своей семьей целиком находился в полном распоряжении «Лензолото» могущего его использовать как угодно; а не хочешь, иди в сентябре м-це, когда прекращается водное сообщение с жел. дор. линией, 1.800 верст по тайге, по местности. находящейся или во владении «Лензолото», или под его влиянием. «Лензолото» же могло, по всякому поводу расчитав рабочего, отправить его в такое путешествие. Заработная плата «Лензолото», при такой монополии на рабочую силу и при отсутствии конкурента, естественно устанавливалась совершенно произвольно. Вот сравнение поденной зарплаты у «Лензолото» и в справочных ценах Бодайбинской Городской Управы. Возчики песков, вспомогательные рабочие и чернорабочие—у «Лензолото» 1 руб. 35 коп.—по справочным ценам 1 руб. 50 коп.; кузнецы—«Лензолото» 1 руб. 90 коп.—по справочным ценам 2 р. 90 коп.; кровельщики 1 руб. 80 коп.—3 руб. 20 коп.; маляры 1 р. 80 к.—2 р. 70 к.; плотники 1 р. 50 к.—2 р. 50 к.; столяры 1 р. 90 к.—3 р.; слесаря 1 р. 75 к.—3 р. и т. д. Кроме того под-

счет работы, напр., кубатуры добытого песка, производился агентами «Лензолото». Вы могли им не верить. Тогда вспомните: мороз от 40 до 50 градусов, расстояние 1800 верст и т. д. Вспомните и поверите. Но эту заработную плату рабочие не получали полностью. Окончательный подсчет и выдача производилась в конце года; часть же заработной платы выплачивалась талонами на магазины «Лензолото», отказываться от которых рабочий не имел права. Разумеется в магазинах цены были «Лензолотовские»! Технические условия труда было бы слишком слабо назвать каторжными. Шахты без лесоспусок, сушилок нет, новым рабочим приходится надевать мокрое кожаны отработавших: вентиляция недостаточна; от динамита угар, который не считается препятствием к работе и т. д. В мокрой одежде, при 40 гр. мороза, рабочим приходится итти за 3—5 верст в казарму. Таковы только слабые намеки на эти каторжные условия труда. Казармы, грозящие ежеминутно обвалиться, находящиеся ниже земли, часто рядом с конюшнями—в них холод, дым, грязь, вонючие испарения и маленькие клеточки, которые отделены друг от друга дощатыми перегородками, а подчас и ситцевыми пологами, в которых живут рабочие семьи, старые и малые, часто на одной кровати. И над всеми этими несчастными рабами «Лензолота» целая армия служащих, надсмотрщиков, мастеров, имеющих полную власть, полный произвол, насилующих женщин, несовершеннолетних: зуботычины, ругань и полное отсутствие всякой возможности найти ограждение от этой власти. Малейшее неподчинение и рабочий рисковал через свое упорство, неподатливость жены, дочери быть выброшенным с приисков и из казармы и без продовольствия итти или ехать 1800 верст. Таково в кратких словах положение Ленских рабочих. Нельзя сказать, что Ленские рабочие терпеливо молчали. Про забастовки Ленцев мы знали и в 1900 г.г. и в 1903 г.г., но все это были мелкие вспышки, зарницы приближающейся бури. В 1912 году чаша терпения Ленских рабочих была переполнена; нужна была еще капля, чтобы глухое недовольство, накопленное раздражение, прорвалось наружу и вылилось в форме открытой, гигантской борьбы тысяч угнетенных, эксплоатируемых рабов «Лензолото» против своего хозяина.

3. 25-го февраля 1912 г. одному из рабочих «Лензолото» выдали «доброкачественное» мясо, среди которого оказался конский половой орган. Это и явилось каплей, переполнившей чашу терпения ленцев.—Рабочие забастовали, к ним присоединились другие прииски и к 3 марта все 5000 рабочих «Лензолото» оставили работу. Несмотря на текучий, сырой, неорганизованный состав рабочей массы—первые же шаги забастовки явили пример высокой организованности и сознательности стачечников. 4-го же забастовавшими был выбран стачечный комитет, из выборных от рабочих разных промыслов, который

пред'явил администрации приисков ряд требований; требования сводились: к урегулированию вопроса о продовольствии и доброкачественности тех продуктов, которые «Лензолото» выдавало рабочим и об уравнении в этом отношении рабочих со служащими; к установлению срока найма и отпуска летом, а не осенью, чтобы дать возможность уехать с приисков; увеличение зарплаты на 30% и ежемесячная ее выплата; организация действительной медицинской помощи; непринужденность женского труда; вежливое обращение на «вы», а не на «ты»; увольнение особо ненавистных служащих и административных лиц; 8-ми часовой рабочий день и другие мелкие требования. Справедливость требований рабочих и факт нарушения договора со стороны «Лензолото» были совершенно очевидны и их признали как горная администрация, так и иркутские губернские органы власти. Мирный, организованный характер стачки виден хотя бы из того, что рабочие потребовали увезти все винные склады, поставили к ним «часовых», поклялись в «благопристойном» поведении и не прекратили водоотливных работ, грозивших затоплением приисков. Но тучи над головой забастовщиков уже собирались.

4. 5-го марта правление «Лензолото» телеграфирует иркутскому губернатору о присылке войск, ввиду того «что характер этих требований, а также общее поведение рабочих явно указывает на то, что забастовка возникла на почве агитации и поддерживается агитаторами», на что получает ответ иркутских властей о том, что по их сведениям «забастовка протекает мирно, рабочие спокойны». Тогда нажимаются все важнейшие «кнопки» и из Петербурга летят и в Иркутск, и минуя его прямо в Бодайбо телеграммы то министерства внутренних дел, то—торговли и промышленности с требованием вмешаться в стачку, ввиду ее «политического характера», и принудить к повиновению рабочих. Близость «Лензолото» к правительству ясна для всех и как бы для того, чтобы еще больше ее подчеркнуть, в дело вмешивается «сам» департамент полиции и берет на себя задачу ее подавления. Несмотря на то, что иркутский губернатор телеграфирует «я категорически утверждаю, что в забастовке прежде всего и больше всего виновато «Лензолото», в Петербурге сведения, конечно, полнее, раз информатором является само «Лензолото». Разве не ясен политический характер стачки хотя бы например из требования обращаться на «вы», а не на «ты», недоумевал Тимирязев, руководитель «Лензолото» и бывший министр торговли и промышленности. И несмотря на всяческие заявления местных властей, что «Лензолото» нарушило свои обязательства, что стачка законная и мирная, департамент полиции нажимает на вмешательство полицейской власти и на посылку военной команды во главе с известным охранником и провокатором ротмистром Трещенко, инструкции которому уже даются пря-

мо департаментом полиции, то есть тем же «Лензолото». Инструкции же эти весьма ясны. Арестовать стачечный комитет, так как «есть основания предзполагать, что с арестом забастовка будет сорвана» и всеми возможными способами ликвидировать забастовку. Грандиозный провокационный план вырисовывается с полной ясностью. Нужно представить забастовку, как результат политической агитации зловредных элементов, как «потрясение основ», чтобы, призвав на помощь вооруженную силу, раздавить осмелевших рабочих и продолжать набивать карманы английских и русских капиталистов ленским золотом. Англичане и русские, буржуа и царь соединились в этом своеобразном союзе против ленских рабочих. А если местные власти упираются, то в центре есть «высокие покровители», которые возьмут дело в свои руки и доведут его до «победного» конца. Но работа велась и снизу.

5. Требования рабочих не выходили из рамок даже царской «законности». Пом. управляющего приисками Теппан вступает в переговоры с выборными рабочими, призывает их к себе, говорит с ними как с представителями рабочих и даже приказывает выбрать их для переговоров, там, где их нет. Таким образом стачечный комитет оффициально признается сперва представителем «Лензолото». Но в Петербурге уже тактика выработана, согласована и события теперь чередуются с катастрофической быстротой. 4-го марта «Лензолото» соглашается только «осветить середину казарм и проходы за счет дела», а 8-го присылает телеграмму, призывающую рабочих «не слушаться главарей» и «спокойно приняться за работу». Рабочие отказались. В тот же день вывешивается об'явление, гласящее, что «Управление от дальнейших переговоров с забастовавшими рабочими отказывается и предлагает всем не желающим стать на работу явиться за расчетом». Рабочие отказались стать на работу, считая свои требования справедливыми и законными. Все пути отступления отрезаны. Борьба решалась силою.

15-го и 17-го марта мировой судья Хитун (один из двух, получавших содержание от «Лензолото») постановляет удовлетворить иск «Лензолото» о выселении некоторых рабочих с квартир. Вспомните сибирский март, расстояние, и вы поймете, почему даже иркутский губернатор вынужден был отменить это решение. Уменьшается паек рабочим, словом, пускаются в ход все пружины, чтобы сломить упорство рабочих и принудить их покориться. Забастовщики не сдавались. Даже стачечный комитет заколебался, решив на своем заседании, вместе с приехавшим из Питера окружным инженером Витимского округа Тульчинским, стать снова на работу, но рабочие не утвердили этого решения.

Тогда соединенные силы «Лензолото» и правительственной власти решились на последний ход: ликвидировать ста-

чечный комитет—снять «головку», распылить силы бастующих. Трещенко получает всю исполнительную власть. Делается попытка соблазнить рабочих открытием шахты № 46 с очень большим количеством золота. Все напрасно. Тогда решают действовать напрямик. Губернатор Бантыш приказывает: «в случае нарушения мирного хода забастовки, подавляйте всеми мерами до воинской силы включительно», а 2-го апреля директор департамента полиции Белецкий телеграфирует «ликвидировать стачку хотя бы силой». 3-го апреля ночью стачечный комитет арестуется. Возбужденная такой провокацией масса решает пойти на утро к прокурору с требованием освобождения арестованных и для того, чтобы никто не подозревал их в «подстрекательстве», каждый рабочий пишет следующее заявление: «я, рабочий л.-з. т-ва, сознательно прекратил работу. Насильственных мер и подстрекательств во время забастовки со стороны рабочих не было. И мы продолжаем забастовку, в виду нарушения с нами договора л.-з. т-ва и неудовлетворения наших требований, в том и расписуюсь»; причем каждый должен был подать его прокурору.

Утром 4-го апреля 3500 рабочих двинулись с этой целью мирные, невооруженные к прокурору. Недалеко от Народного Дома им преградил путь ротмистр Трещенко с воинской командой и без всякого предупреждения отдал приказ открыть огонь по рабочим. Раздались залпы. Результат стрельбы был ужасен—250 человек остались лежать на месте; 270 раненых были унесены.

«В котловине, пишет очевидец, в беспорядочном виде навалены груды убитых. У некоторых на лице выражено беспредельное страдание; много обезображенных от пуль... Жены убитых, перешагивая через трупы находили своих мужей, дети—отцов, кидались, как безумные, стоная и воя о своем неожиданном горе...»

И не успели еще остыть трупы убитых, как по телеграфной проволоке в Петербург полетело провокационное сообщение о том, что расстрел был вызван вооруженным нападением рабочих. Последующее расследование комиссии адвокатов показало всю лживость этого известия. Но в первое время правительство и «Лензолото» широко использовали провокацию Трещенко и К-о. Министр внутренних дел Макаров, член правления «Лензолото» Тимирязев, царские прислужники и капиталистические хищники старательно умывали руки, обрызганные кровью, погибших на Лене.

Забастовка на Ленских приисках кончилась. «Лензолото» надбавило рабочим 3 копейки в день. Дешево расценили биржевые дельцы кровь убитых 4-го апреля.

Под давлением забастовочной волны, широко разлившейся по России, правительство вынуждено было послать для расследования Ленских событий сенатора Манухина. Как не пытался

сановный ревизор убедить рабочих стать на работу, устраивая молебны о здравии государя и выпуская отеческие обращения, ему это не удалось. Рабочие и после забастовки показали пример невиданного единодушия и сплоченнсти. Они единогласно отвергнули верноподданническую резолюцию, предложенную чиновником Майшем, и покинули прииски.

Эхо выстрелов, раздавшихся на Лене, прогремело по всей России. В Петербурге и Москве, в Екатеринославе и Сормове, в Баку вспыхнули забастовки протеста. Лучшей агитацией были слова министра внутренних дел Макарова, заявившего в Думе по поводу Ленского расстрела—«Так было и так будет впредь».

1.238.000 рабочих бастовало в 1912 году. Пролетариат дал достойный ответ царскому министру. Одна за другой прокатывались волны политических демонстраций, митингов. Первое мая, протесты против убийства рабочих в Кутомарской каторге, против расстрела севастопольских матросов — рабочее движение, принявшее яркую политическую окраску, растет быстрым темпом. В июле 1914 года на улицах Петербурга рабочие строят баррикады. Война отсрочила гибель режима на 3 года. В феврале 1917 года рушится царский трон. В октябре пролетариат сметает капиталистов. Кровь убитых на Лене дала пышные всходы.

Ленский расстрел и Государственная Дума *)

4-го апреля на Лене прогремели выстрелы. 7-го питерские рабочие резолюциями негодования и протеста заклеймили преступный расстрел. 9-го в Государственную Думу были внесены три запроса о ленских событиях— фракции октябристов к.-д. и с.-д.

Три раза обсуждала Дума запросы и в конце концов ограничилась признанием вопроса исчерпанным.

Прения по поводу расстрела 4-го апреля дают исключительно яркую характеристику отношения господствующих классов русского общества к пролетариату. Сама редакция запросов в достаточной степени показательна.

Октябристы ограничились «невозможностью усмотреть те условия и обстоятельства, которые оправдывали бы необходимость и давали законное основание для применения огнестрельного оружия». К.-д. указывали на «недопустимое применение вооруженной силы против мирной толпы рабочих» и только социал-демократы квалифицировали расстрел, как «яркое выражение общей правительственной политики», возврат «к старым, испытанным молодцами— фанагорийцами приемам борьбы». В прениях октябристы выступали очень сдержанно. Гучков, не отрицая наличия с.-д. агитации среди ленских рабочих, заявил, что войско «только выполнило свой тяжелый и печальный долг», местное же начальство растерялось и впало в панику.

Кадеты были более красноречивы. Положение «левой» обязывало. Некрасов, после нескольких патетических фраз о «катастрофе», «ужасных событиях» перешел к сути дела. По его мнению ленские события явились результатом «вмешательства правительственной власти в сферу экономических взаимоотношений в мирную забастовку, в экономическую борьбу труда с капиталом». Задача же разумной правительственной власти—в проведении ряда социальных справедливостей. Взаимоотношения «Лензото» и рабочих—

*) Заседания 3 Государственной Думы 5 сессия ч. III, стенографический отчет изд. газеты «Россия» страницы 3275 и далее 3296 и дал.; 3332 и дал., 3371 и дал., 3427 и дал., 3587 и дал., 3624 и дал., 3825.

«двух тяжущихся сторон, при которой на стороне слабейшей был кроме того и закон (замечательно это «*кроме того*» Н. Р.) обязывало правительственные органы на местах к особо бережному отношению». Вывод Некрасова: расстрел—дело рук «триумвирата тов. прокурора, жандармского ротмистра и судьи», кучки людей, «желающих во что бы то ни стало сделать карьеру».

Итак, виноваты не капиталисты—о них Некрасов вообще умблчал—не политический строй. Беда лишь в том, что власть посылает на места карьеристов. Меньше «правонарушений», больше законности, и все пойдет хорошо.

Но Некрасов выполнил лишь одну часть фракционного задания. Недостаточно было проливать крокодиловы слезы и обвинять «стрелочника». Представителям капиталистов необходимо было умыть руки, отвести обвинение в соучастии. Выполнению этой задачи было посвящено выступление к-д. Аджемова.

Аджемов пытался выделить «Лензото» из рядов русского промышленного капитала, квалифицируя это предприятие, как «спекулятивную организацию» на 3/4 английского происхождения. «Это самое сообщество, говорил Аджемов, имеет ввиду грабить русскую доверчивую публику, которая, идя на ту или иную комбинацию, постоянно то бы на повышение играла, то на понижение, а это бы создавало держателям английских шеров (мелких акций Н. Р.) огромное состояние.»

Иначе, говоря—вор кричит «держи вора». Русские капиталисты не причем, все зло от «англичанки» («кто из вас имеет больше акций—англичане или вы, господа кадеты» метко бросил Аджемову черносотенец Замысловский).

Наиболее откровенно разговаривали господа из Союза Русского Народа. Замысловский не находил «никакой незакономерности ни со стороны ротмистра Трещенко, ни со стороны войск». Настоящая причина расстрела—в происках жидов—агитаторов, и главным образом в том исключительно привиллегированном положении, в которое было поставлено «Лензото» благодаря послаблениям со стороны правительства.

Недопустимо, говорил Замысловский, «когда... высшая правительственная власть лебезит перед... капиталистами, когда она хочет создать из этих капиталистов какое-то первенствующее сословие, отодвигая на задний план и дворянство, и духовенство и крестьянство». Вывод, который делали представители отсталых помещиков (они же—по мнению Замысловского—лучшие защитники интересов крестьянства), был прост, хотя несколько... неожидан. Стоило только, как утверждал курский зубр Марков 2-ой, предста-

вить право на аренду сибирских земель не капиталистам из «Лензото», а «русскому благородному дворянству», и опасность повторения ленских событий была бы предотвращена. Отношение же черносотенцев к самому факту расстрела лучше всего выразил депутат Келеповский, рекомендовавший (впрочем по другому поводу) действовать в таких случаях по примеру Елисаветградских событий, где повешение Столыпиным 70 человек осталось неизвестным широкой публике.

Министр внутренних дел Макаров в своем ответе на запросы пытался представить ленские события, как результат нападения толпы рабочих, предводительствуемой стачечным комитетом из политических ссыльных, на войска. Несмотря на явную лживость этого провокационного об'яснения *) Дума признала вопрос исчерпанным, согласившись тем самым со словами Макарова «Так было и будет впредь».

Мы вкратце изложили отношение господствующих партий 3 июньского «парламента» к расстрелу на Лену. Скрытое лицемерие одних, наглый цинизм других, беззастенчивое извращение истины—чего еще можно было ожидать от достойных учеников Столыпина?

Руссий пролетариат ответил кадетам, октябристам и черносотенцам словами своего представителя—«Наступила пора рабочему классу, сказал с.-д. Кузнецов... подвести итоги деятельности 3-й Государственной Думы, которая является главной виновницей в деле расстрела ленских рабочих, и смести Думу и весь современный режим». Не прошло и пяти лет, как грозные раскаты революции подтвердили правильность этих слов.

---

*) Истинный ход событий т. т. могут узнать из вводной статьи и воспоминаний рабочих.

Из прений Гос. Думы о ленских событиях.

Запрос социал-демократической фракции.

«Господину Председателю Государственной Думы».

29 февраля на Ленских приисках вспыхнула стачка 6.000 рабочих.

Условия труда на приисках, по свидетельству официальных источников, были весьма неудовлетворительными. Рабочие страдали, кроме того, от низкой заработной платы, плохой пищи, поставщиком которой была администрация, дурных жилищных условий казарм, предоставленных рабочим той же администрацией, грубого обращения и т. п. Особенно важно ограничение, вопреки закону о найме, права рабочих на судебную защиту. Рабочие по договору с администрацией приисков не имели права возбуждать против нее судебных исков.

Требования, выставленные рабочими, сводились в существенных чертах к следующему:

1) 8-ми часовой рабочий день вместо 10 час.

2) увеличение платы на 30 процентов,

3) отмена штрафов,

4) отмена расчета талонами на товар из лавок компании,

5) признание избранной рабочими комиссии, следящей за правильностью замера забоев и выработки породы,

6) увольнение рабочих с согласия рабочей комиссии,

7) неприкосновенность делегатов рабочих,

8) вежливое обращение,

9) улучшение медицинской помощи,

10) оплата сверхурочных работ по соглашению и оплата времени хождения в отдельные пункты, как за работу,

11) выдача расчетных книжек на руки,

12) регулярная уплата денег за дни болезни и увечье по вине предприятия,

13) увольнение 27 лиц из администрации.

В течение целого месяца стачка протекала совершенно мирно, несмотря на разношерстный состав приискового населения. Спокойное поведение и выдержанность его следует отнести исключительно за счет деятельности избранной рабочими комиссии. Никаких насильственных действий

со стороны рабочих проявлено не было. По свидетельству барона Гинзбурга, одного из заправил Ленского Товарищества, правление незадолго до расстрела рабочих, считало даже возможным пойти на уступки в ряде пунктов. Согласно сообщению Осведомительного Бюро забастовка к концу марта шла на убыль. Одним словом, для применения экстренных мер и усмирения рабочих военной силой никаких оснований не было.

Тем не менее 29-го марта общее командование усиленным военным отрядом было вручено специально командированному жандармскому офицеру Трещенко, известному по сообщениям газет, прошлой провокаторской деятельностью. Становится очевидным, что, стремясь к скорейшему прекращению забастовки. Ленское Товарищество, в делах которого заинтересован ряд крупных капиталистов и высокопоставленных лиц, решило, совместно с правительственными агентами, подавить забастовку военной силой.

Первым же шагом жандармского офицера, заявившего, как сообщают газеты, „или расстрел или прекращение забастовки", был арест делегатов от рабочих, руководивших переговорами с администрацией приисков.

Делегаты в свое время были избраны по предложению местного исправника и окружного горного инженера.

Арест этот можно истолковать только как меру, рассчитанную на возбуждение негодования рабочих, дабы, вызвав их на какие либо насильственные действия, иметь повод для применения военной силы. От имени всего рабочего класса России мы констатируем следующее:

Указом 2 декабря 1905 года за рабочими признано право стачек. Наказуются лишь забастовки в предприятиях, имеющих государственное или общественное значение. Между тем, волей местных агентов правительства, причисливших к таковым и золотопромышленность, право ленских рабочих на стачку уничтожено. Но кровавая ленская трагедия является одним из более ярких выражений общей правительственной политики.

Правительство вновь возвращается к старым испытанным „молодцами-фанагорийцами" приемам борьбы. Вновь повторяются Златоустовская, Домбровская и иные бойни, повторяется день 9-го января.

Простые меры в виде высылки, арестов, преследования, печати и союзов, очевидно, признаны недостаточными.

И в ответ на требование свободы коалиции, стачек, союзов, собраний—правительство и капиталисты отвечают горячим свинцом.

В виду всего вышеизложенного мы, нижеподписавшиеся, на основании статьи 33 Учр. Гос. Думы, предлагаем Гос. Думе принять нижеследующий запрос:

1) Известно ли председателю совета министров и министру внутренних дел, что 4-го апреля 1912 г. на приисках Ленского золотопромышленного Товарищества за участие в экономической стачке, во время переговоров с чинами горного надзора, произведен расстрел рабочих, при чем убито 270, включая и умерших от ран, и ранено 250.

2) Если известно, то что намерено предпринять правительство для выяснения истинных виновников бойни и привлечення их к законной ответственности, а так же для предотвращения на будущее время подобных расправ с бастующими рабочими.

Запрос просим признать спешным.

Кузнецов и другие.

Из речи министра внутренних дел Макарова.

Обращаясь к содержанию вашего запроса, я нахожу, что органам власти вменяется вами в вину 2 обстоятельства: 1) вмешательство в мирно протекавшую забастовку и 2) как последствие этого вмешательства, применение огнестрельного оружия без достаточного к тому основания. Итак, прежде всего, протекала ли забастовка на ленских приисках действительно мирно, не вызывая необходимости в вмешательстве административной власти для поддержания на ленских приисках порядка в безопасности. Для разрешения этого вопроса позвольте вам доложить в краткой схеме, в последовательном порядке, все те события, которые на ленских приисках за это время произошли. Забастовка началась 29 февраля нынешнего года с того, что 900 рабочих Андреевского прииска отказались вступить на работу. 3-го марта появились уже требования рабочих, причем в число этих требований включено было и требование 8-ми часового рабочего дня. (Егоров с места: какая страсть, больно страшно)... 9-го марта все прииски уже не работали и число забастовавших дошло до 6.000 человек. Около этого же времени обнаружено было и руководительство этой забастовкой стачечным комитетом... положение на ленских приисках становилось все более и более угрожающим, причем возникло предположение о возможности порчи и истребления приискового имущества. Вследствие этого было сделано распоряжение о командировании из Киренска, за 300 верст, находившейся там воинской команды, об отправлении находившегося в это время в Иркутске в отпуску, очень уважаемого на месте и известного по своей деятельности в Восточной Сибири, горного инженера Тульчинского в Бодайбо, а так же о командировании туда ротмистра Трещенко (голоса слева: весьма известного) для того, чтобы

на месте была власть, которая об'единяла бы все полицейские учреждения. Таким общим начальником полиции и был сделан 22 марта ротмистр Трещенко.

В это время результаты праздного шатания по приискам многочисленной толпы, среди которой агитировали подстрекатели, как и следовало ожидать, проявились во всей силе. Толпа проникла в полицейские дома, производила там обыски, останавливала пассажирские поезда, оказывала сопротивление при попытках к выселению рабочих по исполнительным листам судебных мест, не допускала вновь нанятых рабочих стать на работу и т. п. Окружной инженер Тульчинский, считавшийся другом рабочих, действительно запечатлевший эту дружбу геройским выступлением 4-го апреля навстречу толпе и оказавшийся, благодаря этому, под выстрелами, — всячески старался добиться соглашения между Ленским Товариществом и рабочими. По телеграмамме Тульчинского от 31-го марта он прилагал все усилия примирить стороны, но тем не менее рабочие стояли на своем и даже, когда он вывесил об'явление, которое предупреждало, что в случае невыхода рабочих на работы, промысловое управление начнет срочные нетерпящие никакого отлагательства работы по исправлению заплотов и приведению в должный порядок водяных канав новыми рабочими, под охраной вооруженной воинской силы. таковото рода об'явление никакого значения не имело, равно как и об'явление, выставленное в то же время ротмистром Трещенковым, о том, что он будет охранять этих, вновь нанятых, рабочих воинской силой. К этому времени положение на приисках стало совершенно невозможным и иркутский губернатор, относившийся с самого начала и до конца чрезвычайно благожелательно к рабочим, оказался вынужденным послать 2-го апреля телеграмму ротмистру Трещенкову о необходимости, наконец исполнить требование судебной власти и арестовать лиц, привлеченных мировым судьею к ответственности за участие в стачечном комитете, Это предложение губернатора было исполнено в ночь на 4-е апреля, а затем 4 апреля, как вам известно, произошло то кровавое событие, которое стоило жизни 163 рабочим. Позвольте мне изложить вам это событие по трем телеграммам, исходящим из различных источников.

Окружной инженер Тульчинский по этому поводу доносит, что 4-го апреля возбужденная толпа рабочих свыше 1000 человек, с трех приисков являлась к нему с требованием немедленно освободить арестованных, угрожая в противном случае собрать рабочих со всех приисков Товарищества и двинуться в Бодайбо для их освобождения, при чем для исполнения своего требования назначили три часа дня 5 апреля. Приехав на Надеждин-

ский прииск, Тульчинский встретил другую толпу возбужденных рабочих, Александровского прииска, шедших к дистанционной конторе с требованием немедленного освобождения арестованных и немедленного рассчета. Он бесполезно убеждал,—по его донесению,—разойтись, не делать насилий и, прибыв на Надеждинский прииск, узнал, что на Феодосийском прииске собралось до 3.000 рабочих и против них стоит рота. Прибыв к этим рабочим по их требованию, Тульчинский попросил отвести роту, которая и отошла к месту стоянки у Народного дома, а сам он безполезно убеждал феодосийцев разойтись. Рабочие вели себя угрожающе и предъявляли те же требования. В это время рабочие 4-х приисков направились на соединение с Александровскими и массою более 3.000 человек двинулись к Народному дому, куда и прибыли к 5-ти часам дня. Несмотря на предупреждения и сделанные сигналы, толпа угрожающе надвигалась на войска, которые и дали несколько залпов. Из депеши ротмистра Трещенкова видно, что в то же утро, в виду отказа разойтись, рабочие были предупреждены, что будут рассеяны воинской силою, которая и была вызвана на место. Среди рабочих распространялись гектографированные воззвания, за подписью „союза горнорабочих“ и произносились зажигательные речи, после чего толпа потребовала к себе инженера Тульчинского, по приезде которого войска, по его просьбе, были уведены, но толпа и по отношению к Тульчинскому держала себя крайне вызывающе. Днем до 4.000 рабочих направились на соединение с рабочими Феодосийского прииска и на требование разойтись кричали: „Вас давно надо проучить“.

Ссылаясь на всех представителей власти, бывших на месте, ротмистр Трещенко категорически утверждает, что такое поведение рабочих было вызвано вовсе не арестами, а полным сознанием безнаказанности творимых ими в течение более месяца беспорядков и насилий и ежедневно возрастающими требованиями. Когда толпа, не исполнив требования, продолжала двигаться на Надеждинский прииск, вновь была вызвана воинская команда, и рабочие, не исполнив требования разойтись, подошли к ней приблизительно на 160 шагов. В это время к ним направился Тульчинский для уговоров, но не достиг цели, толпа продолжала наступать и если бы ротмистр Трещенков не передал в этот момент власть начальнику команды, в присутствии товарища прокурора и судьи, то войска были бы смяты и обезоружены. Толпа и после трех сигналов на рожке не остановилась, а после первого залпа легла, когда же огонь был прекращен, то с криками „ура“, вновь пытались броситься на войска, вследствии чего было сделано еще три залпа. Насколько положение было серьезно, доказывает тот факт, что при-

шлось открыть огонь по толпе, несмотря на то, что в ней находился Тульчинский. Наконец, тов. прокурора окружного суда Преображенский удостоверяет, что настроение толпы 4-го апреля, очевидно, под влиянием ускользнувших из под ареста главарей Баташева и Попова, стало грозным. Против Феодосийского прииска, где арестов не было, с 7 и до 2 часов дня стояла вызванная команда, ежеминутно ожидая безпорядков от собравшейся толпы. Приисковые служащие были предупреждены и выведены ротмистром Трещенковым, уговоры которого и инженера Тульчинского были тщетны. Главным требованием было немедленно освободить 10 арестованных с угрозой расправиться с полицией силой, но так как толпа в наступление не переходила, то команду отправили обратно. Около трех часов дня стало известно, что со стотоны Бодайбо идет на соединение с Феодосийскими рабочими толпа рабочих с разных приисков свыше 3.000 человек.

Ротмистр Трещенков приказал через урядника толпе остановиться на Александровских приисках, но она достигла Надеждинских, где помещается главная контора и расположена была в боевом порядке команда. Тульчинский бросился к толпе с уговорами. Подан был сигнал трубой. Толпа остановилась на несколько мгновений, окружила Тульчинского, но тотчас же двинулась с криками „вперед“. Положение было столь опасное, что через минуту войска были бы смяты и солдаты, всего 110 человек, без резерва волновались, требуя распорядиться стрелять, боясь натиска. (Голоса слева: „хороша дисциплина“). Тульчинский, силой удержанный рабочими остался под выстрелами, а стражник Титов, бросившийся еще раньше к толпе с уговорами, также был задержан ею и получил рану в ногу. После первого залпа толпа легла, но сейчас же вскочила и с криками „ура“ бросилась к солдатам. в виду чего было дано три залпа, остановивших это наступление. На месте толпа оставила принесенные кирпичи, колья и палки. Вот как рисуется событие 4 апреля. Где же во всем том, что предшествовало 4-го апреля, незаконное вмешательство в мирно протекавшую забастовку. Представителей полиции можно упрекать по этому делу в чем хотите, но только не в превышении власти. (Голос слева: а „в провокации“). Их действия сводились исключительно к исполнению требований судебных властей и к поддержанию в той мере, в какой это представлялось возможным их слабым силам, порядка и спокойствия на приисках. Да и самая забастовка, как вы уже вероятно из изложенного мной выше сами усмотрите, вряд ли может почитаться мирно протекавшей. (Голос слева: „откуда это видно“). Помимо этого и подкладка ее была во всяком случае не исключительно

экономическая, а в значительной мере политическая. (Голос слева: „республику хотели устроить“). Я уже имел честь передать вам, что в самом первом требовании 1 марта уже указывался 8-ми часовой рабоч. день. (Голос слева: „что же разве это политическое“)......

Можно ли спрашивается утверждать, что обращение к огнестрельному оружию было допущено без достаточного к тому основания? Что бы сказали вы здесь г. г., если бы это не имело места и толпа в несколько тысяч человек, окружив солдат, обезоружила бы их. (Пуришкевич: с места: Сказали бы, что нет правительства). Вы бы сказали, по меньшей мере, что Правительство преступно бездействовало. (Голос справа: „Верно, правильно“) и вы были бы правы...

С войсками не шутят. Войско руководится в своих действиях исключительно принятой присягой, требованиями своих уставов и железной дисциплиной, сковывающей войска. (Голоса справа: браво, верно). Когда потерявшая рассудок, под влиянием злостных агитаторов, толпа набрасывается на войско, тогда войску ничего другого не остается делать, как стрелять (Голоса справа: верно). Так было и так будет впредь. (Голоса слева: кровопийцы; рукоплескания справа).

Председатель: Член Гос. Думы, Кузнецов, прошу вас не шуметь.

Министр Внутренних дел. Глубоко прискорбные события 4 апреля должны лечь, по моему крайнему убеждению, тяжелым гнетом на тех лиц, которые распоряжались не воинской командой, (Голоса слева: еще бы; на вас)... а на агитаторов, сидящих уже в тюрьме, Соболева, Думке и Розенберга, на трусливо бежавшего Баташева (Голоса слева: ох) и на всех тех, кто с ними (Голоса слева: и на Макарова. Рукоплескания справа; шикание и свист слева; голоса слева; кровопийцы радуются).

Из речи Кузнецова

(члена с.-д. фракции. Екатеринославская губерния).

Господа члены Государственной Думы. Я от имени рабочего класса выражаю свою глубокую благодарность министру внутренних дел за сказанную им сегодня речь с думской трибуны. Эта речь является одной из лучших прокламаций, которую никогда ни одна из социалистических партий не печатала в своих воззваниях. Я рекомендую рабочему классу, сегодняшнюю речь печатать и распространять усиленно, как ни одну социал-демократическую прокламацию, как ни одно социал-демократическое воззвание. Его речь заключалась в нескольких словах: Он подтвердил все то, что было сказано мной с думской трибуны прошлое заседание, т.-е. что это так было и так будет вперед. Мы это категорически утверждаем, что рабочий класс расстреливался и будет расстреливаться до тех пор,

пока будет существовать тот политический строй во главе с гражданами Макаровыми, (Голоса слева: правильно). (Звонок председателя). (Рукоплескания). Ведь, г.г., это особенно характерно подчеркивает всю сущность современного политического управления, когда в таких серьезных и важных вопросах, когда расстреливается правительством около 500 человек, тогда глава правительства в Москве, говорящий перед Европой о культурном управлении страной, высылает своего стрелочника, товарища министра внутренних дел, известного не только в нашей стране, но и в Европе, который был главным виновником осуждения социал-демократических депутатов 2-й Государственной думы на каторгу. Ведь, в самом деле, что сказал отсюда с Думской трибуны тов. министра внутренних дел. Ведь мы слышали категорическое заявление от министра торговли и промышленности о тех требованиях, какие были пред'явлены рабочими ленских приисков, ни одного из всех требований, которое имело бы политический характер, не было. Это вы слышали из уст министра торговли и промышленности. Однако, несмотря на это, министр внутренних дел утверждает, а все-таки в трех пунктах были политические требования. В каких же это трех пунктах были политические требования Между прочим, чрезвычайно интересно, он говорит, что в одном из этих трех пунктов было политическое требование, рабочие требовали, чтобы администрация не имела права увольнять рабочих без согласия на то выборных из своей среды рабочих. Но спрашивается, какое же это политическое требование, когда сам закон признает за рабочими право выборов старост, которые на каждом заводе у нас в России устанавливают расценку вместе с администрацией и заведуют приемом и увольнением рабочих. Таким образом это уже не может отнестись никоим образом к числу политических требований. Что касается 8-ми часового рабочего дня, на который упирают как тот, так и другой министры, то ведь 8-ми часовой рабочий день—г.г. министры знают—в России на многих заводах существует, и рабочие работают по 3 смены, так что это не относится к числу политических требований, коль скоро эти требования во многих предприятиях в России уже осуществлены. Теперь то, что об'яснения по существу не выдерживают ни малейшей критики явствует из того, что министр говорит, что рабочие через минуту могли бы по донесению г. провокатора Терещенко смять солдат. Спрашивается, на каком же расстоянии находились рабочие от солдат. Говорят, оффициальные донесения 100 сажен... (Голоса справа: шагов)... 100 шагов, но если допускать это, то с какой же быстротой, значит, верст 10 или около 15 верст, рабочие должны были идти, что бы достигнуть в течение одной минуты такое расстояние: Вы

видите, какая собственно здесь натяжка... (голос справа: расчет непонятен)... в таких вопросах... да очень понятен (голос справа: вы вздор говорите.

Председатель. Покорнейше прошу не прерывать оратора.

Кузнецов... Министр внутренних дел говорил, хотели обезоружить собственно солдат для того, чтобы разгромить рудники, но господа, это настолько наивно, что если— сибирские депутаты отсюда очевидно подтвердят... что если бы рабочие разгромили рудники, то в этой местности, которая, как он сам уверял, весной отрезана в течение нескольких месяцев от гор. Иркутска, то рабочие значит сами себя подвели под голод и в течение этих месяцев вымерли от голода. Им не нужно было ни обезоружить солдат, ни разгромить, у них были другие средства— затопить шахты. Очевидно рабочие не встали на этот путь. Говорят, это нужно приписать тем агитаторам, о которых здесь говорил министр внутренных дел, ибо только благодаря им стачечный комитет, руководивший столь организованно и удачно в течение каких нибудь полутора месяцев забастовки, не дал возможности разразиться ни одному эксцессу при том разношерстном составе рабочих, которые находятся на этих приисках. И вот при этих условиях в этом комитете видят заведомо политических деятелей и указывают отсюда, для характеристики этого комитета, что член второй Государственной Думы Баташев является главным руководителем забастовки на Ленских приисках. Поэтому сама забастовка, раз там был осужденный правительствующим сенатом за принадлежность к социал-демократической партии член второй Государственной Думы Баташев, сама забастовка и сами рабочие носят политическую окраску, т.-е. социал-демократическую. Но, однако, министр внутренних дел не сказал отсюда, за что был осужден и каким судом был осужден депутат Баташев... [голос справа: коронным]... Он был осужден за то, только, что в течение короткого периода существования второй Государственной Думы смело и открыто заявлял с этой трибуны врагам рабочего класса, что они не честно, а подло борятся с рабочим классом за свое существование. (Рукоплескания слева). И вот за это он был осужден... [Голоса справа: вздор. Шум. Звонок председателя]... Да, путем провокации. И сам суд, тот суд, на авторитете которого ссылался министр внутренних дел, почему же он, бросивши гласное обвинение действительным народным представителям, убоялся гласно получить ответ на брошенное обвинение, он двери суда закрыл как и вы закрыли двери для того, чтобы страна не услышала правды о том, какой суд осудил представителей рабочего класса... (Шум справа. Голос слева: руки в крови у вас)... И, г. г., рабочий класс прекрасно понимает

и прекрасно понимает вся страна, вся демократия нашей огромной страны и даст вам надлежащую оценку. Вы всегда шли и идете вместе с правительством, ибо вы услуга за услугу должны оказать ему известное доверие. Ведь правительство при помощи штыков посадило вас на скамьи третьей Думы... [Голоса справа: что за вздор. Шум, звонок председателя).

Председатель. Прошу не шуметь. (Шум). Прошу не шуметь.

Мы благодарим г. Макарова от имени рабочего класса, что лучшей речи ожидать нельзя было, он повторил все, то что было сказано нам, что рабочие расстреливаются и будут впредь расстреливаться за экономические стачки и пусть рабочий класс знает, для того, чтобы он не расстреливался впредь, он должен организоваться, сомкнуть свои ряды и итти дружной организованной борьбой за уничтожение современного режима и для водворения социалистического строя. (Рукоплескания слева).

Ленские события в освещении современной партийной прессы.

На алтарь капитала.

Итак, принесенная телеграфом, душу леденящая весть подтвердилась. Более 200 рабочих пало убитыми, несколько сот—ранеными. Кровопролитнейшая из битв между двумя враждебными армиями не всегда кончается таким огромным количеством жертв... Максимальное число забастовщиков на Ленских приисках определяется в 5000 человек. Из них более 500 теперь убиты или ранены. Это значит, что из каждых 100 бастующих рабочих 10 человек убито или ранено...

Из различных Нееловок и Гореловок, из разных голодных углов многострадальной России свезли в далекую Сибирь рабочих и крестьян, и заставили их работать на капиталистов в таких условиях, в которые далеко не везде поставлены даже каторжники. Когда они посмели выставить требование более человеческих условий труда, их провозгласили „бунтовщиками". Когда они объявили забастовку, их бездомных и голодных, находящихся на расстоянии тысяч верст от родины, стали гнать с приисковых квартир. Иди—куда глаза глядят... Когда они стали упорствовать в том, что дальше так жить нельзя—их расстреляли... Среди бела дня от руки тех же сынов деревень погибло более 500 человек крестьян и рабочих...

Требования рабочих были чрезвычайно умеренны. Но Ленские заправилы, потом и кровью людской составляющие себе миллионы, не уступали ни пяди и видимо сознательно провоцировали кровопролитие.

Посмотрите что телеграфировали даже „Новому Времени" его собственные корреспонденты с места действия!

„Все это убедительно подтверждает игнорирование товариществом существенных нужд рабочих и что осложнения в забастовке создались сознательно по вине товарищества... 18 марта окружной инженер устанавливает незаконность действий товарищества... 19 марта стачечный комитет вновь постановил продолжать забастовку, доказывая фактами нарушение контрактов отпуском негодных харчей, неверным расчетом, неплатежом уволенным, принуждением детей работать 10 часов, выдачей купонов вместо денег. Рабочие единогласно просят властей о содействии „и далее" положение удручающее.

19 марта поверенный товарищества с исполнительными листами приступил к выселению. Исправник с воинской силой прибыл на место".

29 марта тот же корреспондент телеграфирует.

„Настроение забастовщиков, ободряемое настойчивыми действиями товарищества в отношении выселения и отказа в выдаче продовольствия, повышенное".

31 марта: „Главноуправляющий товарищества доказывает; что настоящее положение влечет за собой громадные убытки... Предупреждением этого является необходимость, даже силой оружия, подавить забастовку".

Вот что сообщает даже „Новое Время" (№№ 12944,46,48), газета, всегда являющаяся цепным псом миллионеров.

Ныне программа действий Ленского товарищества выполнена. Так как им грозили убытки, то рабочих усмирили „силой оружия", не остановившись перед массовыми убийствами.

Преступные требования забастовавших рабочих в настоящее время известны; они сводятся, строго говоря, к одному: чтобы администрация приисков выполняла закон.

Так элементарны были эти требования. И все-таки... все таки более 200 убитых, несколько сот раненых.

Столько жизней принесено на алтарь капитала. На этот раз рабочие не будут иметь и того сомнительного утешения, что их братья принесены в жертву на алтарь „отечественного" русского капитала. Осведомленные французские газеты сообщают, что Ленские прииски принадлежат международной компании капиталистических хищников. Хозяином приисков фактически является англо-американское товарищество „The Lena Goldfields", которое состоит в тесных отношениях с трансваальским товариществом „Goldfields Consolitaded", главными акционерами „The Lena Goldfields" являются, рядом с г. Ратьковым.—Рожновым, Русско-Азиатским и Интернациональным Банками,—французские, английские и американские капиталисты, парижская компания „Societe Gènèrale" и т. д.

Во имя кошельков французских, английских и американских миллионеров погибло более 200 русских рабочих...

Русские рабочие не в первый раз переживают такие бойни. 90-е и начало девятисотых годов не раз приносило мирно бастующим рабочим кровавые расправы. Вспомните 5 мая 1892 года в Лодзи, когда пало 108 убитых рабочих и когда Гурко в первый раз пустил в ход пароль „патронов не жалеть!" Вспомните „усмирение" в 1892 году в Юзовке и других южных центрах! Вспомните расстрел в 1895 году, „молодцами-фанагорийцами" рабочих Корзинкинской Мануфактуры в Ярославле! Вспомните массовые расправы над рабочими в Риге и Либаве в 1899 году! Вспомните „усмирение" рабочих фабрики Максвеля в Петербурге 14 декабря 1899 г.

стоившее рабочим 80 человек раненых! Вспомните Обуховскую оборону! Вспомните, как 3 октября 1900 года 300 человек рудокопов Донецкого бассейна были прогнаны сквозь строй! Вспомните Златоустовскую бойню 23 января 1903 года, когда пало убитыми 69 рабочих и 100 человек—ранеными... Всего не перечесть... И вот снова на Ленских приисках сотни убитых и раненых.

При всех чертах различия между нынешним положением и положением в конце 90-х и начале 900 годов—в нем вместе с тем так много черт и сходства. Рабочие, на первый взгляд, как будто „начинают сначала". Правящие слои расстреливают инертность рабочих и каждым своим шагом показывают невозможность безболезненного исхода...

Внешняя обстановка сильно изменилась. Как же, ведь у нас „конституция!" 3-я Дума отменила пресловутую 51-ю статью, карающую за мирную стачку, как за уголовное преступление. После долгих колебаний, с этой отменой, скрепя сердце, согласился даже Государственный Совет. Но многим ли легче от этого расстреленным и раненым, их семьям, им братьям, всему рабочему классу, на деле, по прежнему, не имеющему простого права экономической стачки? В тысячу первый раз русская жизнь, живые факты классовой борьбы в России показали, что всякое серьезное требование русских рабочих (свобода стачек и т. п.) неизменно упирается в вопрос о коренном переустройстве русской жизни.

(Звезда № 29 (65) от 12/IV 1912 г.)

Г. Зиновьев.

* * *

Почему стреляли?

Что к этому не были ничем „вынуждены", понимают все. И хотя Макаров в Думе божился, что его испытанному провокатору Трещенкову угрожала смертельная опасность, но ему, без сомнения, не верили даже приставленные к его охране шпики.

Почему стреляли?

Потому ли, что местным Трещенковым, состоящим на содержании приисковой администрации нужно было отличиться? Потому ли, что нетерпеливые акционеры надеялись ускорить ход дел при помощи свинца? Потому ли, что правительству нужно было—по возможности подальше от больших центров—учинить примерную расправу над стачечниками и запугать приходящий снова в движение рабочий класс? Или может быть—как намекают газеты—какая либо придворная банда, игравшая на „понижение" ленских акций, решила вызвать

кровопролитие и хаос какой угодно ценой? Не хотели ли таким путем закрепить дружбу английской биржи, в руках которой находится около 75% ленских акций? Или может быть в состав этих ленских капиталов входят и те миллионы, которые царь на всякий случай хранит в английских банках, и дело шло о собственных барышах царя?

Почему стреляли?

Надо полагать, что все причины соединились тут воедино! Трещенкову нужно было в огне усмирения несуществовавшего восстания похоронить свою воровскую отчетность; барон Гинцбург не прочь был умеренным количеством свинца подтолкнуть рабочих на путь „благоразумия"; наоборот, спекулянты из великих князей могли быть заинтересованы в усугублении замешательства. Все эти причины могли сочетаться, скреститься, перепутаться — и вот результаты: 270 убитых, 250 искалеченных.

Какая часть тут приходится непосредственно на поддержание славы и величия царской монархии, и какая на косвенное поддержание августейших барышей, сколько трупов придется на пай барона Гинцбурга и сколько просверленных черепов нужно отнести на долю местных Трещенковых, этого не пересчитает ни один ученый счетовод. Отдельные слагаемые всегда останутся неясными, зато ясен и несомненен итог: 270 трупов, 250 калек.

Ход событий был страшно простой. Но в совокупности простейших фактов и действий: голода, истощения, отказа от работ, ареста, выстрелов и хрипа задыхающихся собственной кровью—в совокупности этой страшной простоты стоит перед нами экономика, политика, мораль и философия этого общества, охраняемого освященной богом иерархией, которая начинается с приискового жандарма Трещенкова на Лене и кончается коронованным жандармским ротмистром Романовым в Петербурге.

На золотоносном куске земли, который дальностью расстояния, суровостью климата, весенними и осенними разливами рек отрезан от всего мира, хищники—военные и статские, духовные и светские, свои и чужестранные—заперли несколько тысяч душ, голодных и бесправных, вогнали их в холодные, всегда грозящие обвалом просечки, где по стенам струится вода, поднимаясь по полу иногда до колен, держат их и их семьи в тесных, грязных дымных казармах, среди вшей и человеческого навоза, платят им 1—1½ рубля в день, но не деньгами, а талонами на гнилые товары, иногда прямо на падаль, по бешеным ценам; принуждают их подпиской отказываться от своего права возбуждать против администрации судебные иски—и за все это из под ногтей

у них ежедневно выжимают кровь, которая, тут же на месте превращается в сверкающее золото. Из струпьев, из ревматизмом охваченных сочленений, из сифилитических язв, из рахита младенцев, из истощенных кровоточивых материнских грудей—вот откуда течет благодатный поток ленского золота, обогащающего по пути всех, кроме тех которые добывают его...

...И вот когда 6000 ленских рабочих, устав питаться падалью, перестали в течении месяца выцарапывать кровавыми ногтями из недр земных золото, на их черепа со страшным треском опустился чугунный кулак государственной власти: полтысячи тел осталось на земле...

„Так было, сказал в Думе Макаров,—и так будет впредь!" Так будет—ответило ему уже двухсот-тысячное эхо стачечников и демонстрантов—но лишь дотоле, доколе мы не разворотим до дна разбойничий вертеп царской монархии и не завоюем для себя простора, воздуха, света...

(Из статьи „Ленская бойня и ответ пролетариата" Правда (Вена) № 25—23/IV (6/V) 1912 г.).

Они хорошо работают.

После ленских расстрелов—забастовки и протесты по всей России, после думских «об'яснений» министра Макарова—демонстрация в столице России.

Правительство хотело вогнать Россию в тиски кровавых «распоряжений».

Россия же оказалась сильнее правительства и решила итти своим путем...

Бросим еще раз взгляд на историю Ленских событий. На ленских приисках шла забастовка 6.000 рабочих. Забастовка мирная, организованная. Конечно, лживая «Речь» может говорить о стихийном бунте на Лене. Но мы судим не по лживой «Речи», а по «донесению» очевидца Тульчинского. А г. Тульчинский утверждает, что рабочие в тот день вели себя образцово, что «никаких камней и палок не было» у рабочих. А затем, адские условия работы на приисках, минимальные требования рабочих, добровольный отказ от требования восьми часов, готовность рабочих к дальнейшим уступкам—все это знакомая картина мирной ленской забастовки.

Тем не менее правительство нашло нужным расстрелять рабочих, мирных, безоруженных рабочих, с табачными кисетами в руках, с заявлениями в карманах об освобождении арестованных товарищей.

Трещенко не привлечен к ответственности—не ясно ли, что он действовал по распоряжению свыше?

Решено привлечь рабочих, а не Трещенко,—разве не ясно, что кому-то нужна была кровь пролетариата?

Двух зайцев хотели убить в день выстрелов.

Во-первых, удовлетворить алчные аппетиты ленских людоедов .Во-вторых, припугнуть рабочих других городов и местностей—дескать, несите безропотно ярмо капитала, а то сделаем с вами то же, что с ленскими рабочими.

В результате не достигли ни того ни другого.

Ленские людоеды не удовлетворены, ибо забастовка на приисках продолжается.

Рабочие же других городов не только не напуганы, а наоборот, в знак протеста против расстрелов подымают забастовку за забастовкой.

Более того. На «об'яснения» Макарова столица России, Петербург, ответила демонстрацией тысяч студентов и рабочих.

Наиболее чуткая часть русского общества, учащаяся молодежь, протянула руку наиболее революционной части русского народа,пролетариату, и, подняв красные знамена, провозгласила: да, «так было, но так уже не должно быть».

От мирной экономической забастовки на Лене—к политическим забастовкам по России, от политических забастовок по России—к многотысячной демонстрации студентов и рабочих в самом центре России—вот чего добились представители власти в своей борьбе с рабочими. Да, хорошо роет крот освободительного движения дальновидное русское правительство!

Еще два-три таких «подвига» и можно будет с уверенностью сказать, что от крикливой фразы министра Макарова останется одно лишь жалкое воспоминание.

Работайте, господа, работайте!

(«Звезда» № 31 (67) 17 апр. 1912 г.).

Воспоминания о Ленском расстреле.

К годовщине Ленских событий.

(Воспоминания участника).

Пришла шестая годовщина ленского кровавого события. Я, участник кошмарных дней, пережитых на Лене, не могу равнодушно вспоминать 4 апреля. Чудовище—всемирный капитал, высасывающий кровь из рабочих, сразу проглотил пятьсот товарищей,—триста двадцать убитыми и более полутораста ранеными. Ленское золото и миллионы акционеров облиты рабочей кровью. Главную роль палачей выполнили и больше всех повинны директора-распорядители Белозеров и Теппан, за свою жестокость прозванный рабочими „Горцем". По инициативе и под руководством Белозерова был подобран персонал служащих, от управляющих и до десятников включительно. Это были настоящие наемники капитала за очень малыми исключениями. Хороших служащих беспощадно увольняли. Чтобы не быть голословным, я отмечу всех персонально.

На дальнем Ивановском прииске—Тихоно-Задонского района был управляющим А. М. Марков. За свирепое обхождение с рабочими и непосильные кары, он получил от рабочих кличку „Зуб". За малейшее неповиновение карал тройным штрафом. Наказания были жестокие: выморозка зимой, угон лучших забойщиков на каторжные работы, работа в мокрых забоях без смены, лишение квартир и расчет без права поступления, назначение жен семейных в помещении холостых для уборок без очереди. При расчете же (в наказание) не давали выездных и харчевых. Между тем до ближайшего пункта жилого места пристаней—Жигаловой и Качуга—две тысячи сто пятьдесят верст, есть ближе пункты Усть-Кут, Керенск, Витим, Бодайбо, но их нельзя назвать жилыми местами, потому что жители сами живут впроголодь и дорога к ним есть только летом по реке Лене. Так свирепствовал один из ярых наемников капитала.

Другой управляющий на прииске Феодосьевском И. В. Станутинас был не лучше. Его обращение с рабочими доходило до кулачной расправы и всяческих издевательств не только над самими рабочими, но и над их семействами.

Укажу еще на некоторых штейгеров Феодосьевского прииска, на котором мне пришлось долгое время работать.

Штейгер шахты № 45 был прозван рабочими за неполные замеры и подсчеты „Цирульником“, второй штейгер шахты № 49 был прозван „Плаксой“, за то, что „как не работай, а вечером он все равно придет и будет плакать, да ругаться, что мало сработали; в передовых шахтах заведующий штейгер за свою жестокую дисциплину был рабочими прозван „Чугунным апостолом“. Он выдерживал рабочих под руслом реки Бодайбо восемь часов в забоях, где вода так сильно льет, что не может держаться на голове кожаная шляпа.

Это только слабая картина тех невыносимых условий, которые создавались хозяевами ленцами, чтобы получить свои прибыли...

...В 1912 году заработная плата рабочих была понижена до небывалых размеров. Здоровый забойщик у „Цирульника“ или у „Плаксы“ в шахте заработывал 27 рублей в месяц за двадцать четыре рабочих дня. Поверхностные работы расценивались в рубль двадцать копеек. Нужно принимать в расчет также вздутую стоимость продуктов, обуви и одежды на приисках Ленского золото-промышленного товарищества.

В то время сапоги ценились 12 рублей; мануфактура была в три раза дороже против других „жилых“ мест; мясо 1 фунт 16 коп. Рабочим давали мясо самого худшего качества, лучшее получали администрация, служащие и стражники (по одинаковой цене). Вдобавок ко всему контора в 1912 году не стала выдавать наличные деньги рабочим на руки, а платила талонами. Это для того, чтобы рабочие брали товар не на стороне, а в лавке общества.

Произвол администрации и служащих не знал границ. Приехавший рабочий, чтобы поступить на работу, должен был выдержать целый ряд нравственных пыток. Приведу пример: Управляющий Феодосьевского прииска Станутинас прямо издевался над рабочими. Придут человек пятьсот весной, подойдут к его окну, к конторе, он выбирает. Эй ты, черная шапка, иди сюда! Посмотрит на него. Если лицо не понравилось,—прогонит обратно или спросит: холостой ты или семейный? Если ответишь холостой, он говорит: холостых мне не надо; уже довольно набрал! Скажешь женатый, засмеется:—красивая жена, так возьму, плохая—так не надо. И такое издевательство было сплошь и рядом не на одном только Феодосьевском прииске.

Вот те условия, в каких приходилось жить рабочим у всесильных олигархов ленского дела.

Начало забастовки было двадцать восьмого февраля 1912 года. На прииске Андреевском один рабочий пошел на кухню получать мясо, а ему вместо говяжьего мяса отрубили конины, что узнали только тогда, когда она в бараке оттаяла. Доказательство было неопровержимое, но писать об этом было нельзя. Узнавши о таких злоупотреблениях ленских

миллионеров, рабочие забастовали; их поддержали товарищи с Утесистого и сорок четвертого приисков. Забастовка нерешительно длилась два дня. На третий день—второго марта накипевшая злоба на притеснителей разлилась по всей тайге. Забастовали все...

Были пред'явлены требования от имени всех рабочих чисто экономического характера: улучшение квартирных условий, корректное обращение служащих с рабочими, отмена штрафов, равномерное распределение продуктов между служащими и рабочими (для служащих пекли хлеб сеянный, для рабочих не сеянный, куда попадали всякие отбросы), прибавка заработной платы на 75%. Больше никаких требований не предъявляли. Даже восьми-часовой рабочий день не был выставлен.

Из Петрограда получили, наконец, телеграмму: „Двадцать пять % набавляем и больше никаких требований не удовлетворяем.“ Такая подачка равнялась нулю. Мы решили не выходить на работу и, чтобы не подозревали „злостных агитаторов“, все рабочие при помощи грамотных товарищей написали каждый для себя удостоверение, что „никем не принуждаемый, по своему личному желанию бастует“. Тут то и пошли репрессии. Первое—самых из нас слабых стали лишать квартир (просто конур), затем последовал приказ директоров лишить всех рабочих кухни. И это при отвратительной постановке в тайге дела продовольствия—оно находилось в руках конторы. Были там два частных купца Кулинич и другой—не помню фамилии—на Александровском прииске, которые могли прокормить, ну скажем пятьсот человек. Всех же забастовавших рабочих было более девяти тысяч. Можете судить, в каком положении оказались рабочие! Приходилось делить последний кусок между собой.

Слабые не выдержали. И вот со всех приисков стали собирать слабых в одну кучу, и под охраной стражников открыли работы на Феодосьевском прииске. Я не сказал бы, что они были штрейкбрехерами, а просто слабые невыдержанные пролетарии. Набралось их—тысяча пятьсот человек. Им открыли кухню, прибавили жалованья и дали лучшие квартиры. Пообещали грамотным места служащих, а нас еще крепче стиснули тесным кольцом из стражников—солдат местной Бодайбинской команды. Привезли к тому времени на лошадях роту из Киренска, уездного города Иркутской губернии. Приехал в то же время известный ротмистр Трещенков, а с ним же из Петрограда окружной инженер Витимского Олекминского Горного Округа инженер Тульчинский. Он говорил, что забастовка пройдет благополучно, только выходите на работу, я выхлопочу вам прибавку, улучшения и плату за потерянные дни во время забастовки. Но это были только слова. Директора же говорили другое:

никаких прибавок, еще с вас, мол, надо взыскать за то, что стоят прииски.

Рабочие во время забастовки, чтобы их не спровоцировали, ввели среди себя железную дисциплину. Казенные винные лавки по требованию их были закрыты и вывезены в город Бодайбо; за пьянство карали товарищеским судом, удостоверяю, что с первого марта и до выезда рабочих 15 июля, было не более пяти случаев пьянства из среды рабочих в составе семи тысяч человек. Была наряжена своя охрана, которая каждую ночь охраняла склады, магазины, водоотливные машины и электрическую станцию, чтобы не было каких нибудь провокационных выступлений И действительно. за время забастовки рабочими не было раздавлено хоть одно стекло. Порядок был образцовый.

Но есть было нечего. Кухни нам не открывали, несмотря на то, что у нас почти у каждого за конторой были деньги. И вот, за этими то деньгами, взявши расчетные книжки и те заявления, в которых было сказано, что никто нас не научал и что бастовали мы сознательно, потому что согласно Горного Устава ленцы сами нарушили контракт, заключенный с нами 10-го сентября 1911 г., мы пошли в роковой день четвертого апреля в главную контору на Надеждинский прииск. Товарищи потянулись с Андреевского прииска к Надеждинскому, захватив с собой Васильцев, Пророк-Ильинцев, Александровцев. Подходили с Александровского прииска к Надеждинскому. В этой массе рабочих находилось до трех тысяч человек. Некоторые прииски за дальностью не могли притти за расчетом. Мы же, Феодосьевцы, приходили за расчетом в свою контору. Шли по линии жел. дороги. Против нас была выслана рота солдат из Киренска. Следует отметить, что Бодайбинская рота отказалась стрелять. Офицеры, подошедшие к нам, увидели между нами массу женщин и детей кругом барака рабочих и стрелять не стали. Только что мы разошлись от конторы (Феодосьевский прииск от Надеждинского в двух верстах), как вдруг слышим залпы ружейных выстрелов. Собравшись в количестве двух тысяч человек, мы пошли на Надеждинский прииск, но там уже совершилось кровавое событие. Товарищей не допустили до главной конторы за расчетом. Выстроенная на повороте дороги рота и несколько десятков стражников расстреляли безоруженных рабочих, в числе которых были и с нашего прииска.

Всего залпов было произведено 15-ть. Конечно, многие товарищи солдаты стреляли вверх. Еще добавлю, что люди шли между штабелей крепежного леса и во время перестрелки скрывались за штабеля. Это спасло многих. Если бы не штабеля, то жертв было бы в несколько раз больше.

Когда мы подоспели, то было уже поздно. Но и в нас было выпущено два залпа. Только местность, где мы стояли,

(лес, кустарник и гора) защищали нас и пули не достигали назначения. Из двух тысяч рабочих пострадало только трое товарищей (были ранены).

Так закончился кровавый день избиения рабочих Ленских приисков жандармами по приказанию капиталистов.

Некоторых товарищей нельзя было узнать: узнавали только по платью. При этом как в первый вечер, так и на другой день никого к убитым не пускали и пропало много денег, часов и золотых колец. Жандарм Трещенко хотел похоронить всех в одной могиле, в безлюдной дикой местности в Заголдыне. Но разбитые рабочие не пали духом и решили умереть, но отстоять право—похоронить самим своих товарищей на кладбище.

Жутко было смотреть, когда на Нижне-Илпиаевском прииске, около главной больницы на разостланном сене четырехугольными рядами были разложены убитые товарищи, а жены и дети разыскивали своих мужей и отцов.

Похоронили всех в больших братских могилах, на высоком холме между Нижне-Илипаевским и Пророк Ильинским приисками. Пролитая кровь невинно погибших товарищей еще теснее сплотила рабочих и мы поклялись не выходить на работу до тех пор, пока не будет расследовано это позорнейшее кровавое событие. Из Иркутска с первыми пароходами приехал генерал—губернатор Князев, сказал, что надо было всех расстрелять и уехал обратно. Приехал губернатор г. Иркутска Бантыш. Он приказал ленским акционерам открыть кухню для рабочих. Директора спросили его: кто будет платить? Он ответил—заплачу я! И сообщил нам, что приедет сенатор Манухин, бывший министр юстиции, а с ним огромный штат чиновников окружного суда и 12 юристов адвокатов—6 от Москвы и 6 от Петрограда, в том числе, блаженной памяти, адвокат Керенский... Собрали собрания и уговаривали нас рабочих выходить на работу, но свежая кровь и память об изуродованных товарищах рабочих не позволяли нам и думать о том, чтобы копать облитое кровью золото.

Тогда видя бессилие, адвокаты, а главное Керенский со слезами на глазах уговаривали нас: „выходите на работу: мы хотя посмотрим и на опыте убедимся, насколько тяжела и трудна ваша работа“. Как будто они не знали о труде приискателей. В то же время мы ясно видели, что царь голод гонит наших товарищей на работу. Слабые заколебались и говорили: „Как Феодосьевцы, так и мы!“ К сведению нужно сказать, что Феодосьевский прииск, это золотая цитадель Олекмы и рабочие там были сильнее физически и духом. Они назывались на рабочем жаргоне „Феодосьевские Иваны“. „Батюшка“ Александр Федорович около нас Феодосьевцев три дня бился на собраниях, пока своим слезливым

голосом не убедил большинство выйти на работу. Главным аргументом его речей было то, что Манухину сенатору с его следственной комиссией, если мы не выйдем на работу нельзя снимать дознания и нельзя убедиться, кто прав и кто виноват...

Проработавши пятнадцать дней по уговору адвокатов и Керенского и оставивши за собой право бросить опять работы, мы увидели, что все горькие речи были только словами, и Манухин—„второе лицо государя", как тогда говорили, приехал только для формы и для отвода глаз другим пролетариям. Судить он не судил, да и кого бы он стал судить? Капитал всесилен и с ним рабочим приходилось не судиться, а только бороться.

Стойкие и сильные из нас решили ввиде протеста выехать из Ленской тайги. Первая партия пошла 15 июля, последняя выехала 10 сентября. Партия от партии шли через десять дней. Я уехал с первой партией от прииска Феодосьевского до города Бодайбо. Ехали мы семьдесят верст по узкоколейной железной дороге. В Бодайбо погрузились на баржи, чтобы ехать в Иркутск. Заняли сразу четыре баржи; отправились в шесть часов вечера. Жители Бодайбо провожали нас.

Собравшись на палубе, бросили мы свой прощальный взгляд горным вершинам тайги и три раза пропели вечную память товарищам, павшим в борьбе за существование с капиталом. У каждого в наболевшей груди было одно чувство и в голове одна мысль: вечная непримиримая борьба против капитала и его наемников...

Иван Кудрявцев.

(Сибирский горнорабочий, № 3, 23/IV 1918 г. Томск)

С Лены.

Толчком к прекращению работ на Андреевском прииске Ленского Золотопром. Товарищества послужила выдача негодного мяса. Мясо почти с начала операции выдавалось никуда не годное. Управление объясняет это том, что подрядчик привез такое и им по необходимости пришлось взять его, т.-к. в таком большом количестве лучшего взять было негде. Но это частные слухи, а выборным от рабочих и объявлением от 29 февраля наоборот признавалось мясо первым сортом, а жалобы рабочих неосновательными. 26 февраля одному из рабочих, Завалину, между прочим негодным мясом дали неупотребляемые для пищи части лошади. При виде этого мяса у многих появилась рвота, это окончательно вывело из терпения рабочих, т.-к. ко всему этому примешалось

еще подозрение, что конское мясо могло попасть сюда только ввиде падали, сами по себе лошади здесь очень дороги. Молва, благодаря скученности, быстро распространилась по номерам и уже 28 февраля вечером рабочими всех номеров Андреевского прииска решено было на работу не идти, а с утра попросить г. исправника и г. окружного инженера. Часа в 2—3 29 февраля приехал г. исправник, исполняющий должность главноуправляющего промыслами г. Савинов и заведующий приисиком г. Цимберг. Прошение рабочих было уже составлено. Администрация с г. Исправником пошли в новую продовольственную кухню и велели рабочим принести заявление. Рабочие собрались идти, но в это время явилось несколько человек рабочих Утесистого прииска, которые до обеда работали (29 февраля), но с обеда, узнавши что андреевцы не вышли, тоже не вышли. Прибывшие рабочие просили андреевцев прошения пока не нести, а обождать, пока они тоже напишут и потом совместно подать. Андреевцы согласились и потому прошения 29 февраля не передали. На второй день приехали только г. исправник и г. Цимберг, которым прошение и вручили. Рабочие к г. исправнику пришли все сразу и говорили все, тогда г. исправник сказал: „со всеми вами говорить невозможно, выберите из своей среды несколько человек, они пусть все и объяснят". Вот тогда то и были выбраны делегаты. Г. исправник, ознакомившись с прошением, предложил идти на работу. „А как же мясо и те нарушения, что проставлены в прошении?" спросили рабочие. „Мясо, говорит, ведь не все конское, а часто это по недосмотру как нибудь попало". Относительно остальных пунктов ничего не сказал. Насчет недостаточного освещения в шахтах завед. приисков г. Цимберг сказал, что свечи выдаются в достаточном количестве, так что, говорит „я часто вижу, как у рабочих, идущих с работ, свечи торчат из карманов, но я махаю руками, Бог с ними, пусть несут". Когда г. исправнику опять начали указывать на злоупотребления, чинимые здесь, он рассердился и закричал: „я сюда приехал не сказки про белого бычка рассказывать". Так рабочие и ушли; только заявили, что будут ожидать окружного инженера.

Г. Тульчинского небыло, заместителем оставался г. Александров, который находился на прииске Верном. Приехал г. Александров на 4-й день, т.-е. 3 марта. Рабочие ему также прошение вручили, только с указанием статей нарушений и просили о расследовании. Г. Александров обещал; два дня он объявлялся здесь в конторе Андреевского прииска, покричал на г. Цимберга, почему за сапоги в мокрых забоях не платили или хозяйских не давали, г. Цимберг сказал, что он не знал, что не платили. Рабочим о неправильных подсчетах сказал, что это единичные случаи и уехал на На-

деждинский прииск, так как там тоже рабочие бросили работать и больше на Андреевском мы его не видели.

На Надеждинском прииске г. Александров потребовал к себе выборных от всех станов. Для поездки выборным управление выдало бесплатные проездные билеты и лошадей. Переговоры продолжались до 7 марта, причем выборные просили расследования нарушений. Г. Александров указывал на чрезмерность требований, хотя на Андреевском, Утесистом, Васильевском и Иннокентьевском приисках, как видно из прошения, ничего незаконного не требовали и вообще требований не было. Наконец 7-го было вывешено объявление, в котором перечисливши десять пунктов, которые по закону должны были исполняться, но не исполнялись и старательно обошедши все нарушения, за которые по суду рабочие могли бы требовать вознаграждения— г. Александров заявил, что всякие переговоры считает оконченными. И затем 8 марта вывешено второе объявление, что все не вышедшие на работу 8 марта, считаются рассчитанными. Рабочие не вышли. После объявления 8 марта рабочие Андреевского, Утесистого, Васильевского и Иннокентьевского приисков приимкнули к требованиям остальных пунктов.

23 марта из СПБ. приехал г. Тульчинский и уже 24-го пригласил выборных от рабочих, которым сообщил все данные за и против забастовки (хотя забастовки в буквальном смысле не было). Он сказал, что Лен. Зол. Тов. не можст прибавить заработную плату, т.-к. ему не выгодно. Лучше совсем на неопределенное время приостановить работу, что почти все прииски работают в убыток и только Феодосиевский и оправдывает, что управлению даже на два золотника невыгодно работать, так как большие суммы идут на водоотливы и т. п. Предлагал идти на работу по новой наемке, т.-к. мы все рассчитаны. Вывесил несколько обязательныых постановлений относительно квартир, одежды в мокрых забоях и даже обещал ходатайствовать за 8-ми часовой рабочий день в мокрых забоях (хотя по закону он и так должен быть). Ездил по всем приискам, уговаривая рабочих и на словах признал почти все нарушения, советовал рабочим и судиться. Рабочие не согласились, заявив: на работе так прижмут, что и прошение забудешь. Вновь наниматься соглашались, если правление прибавит заработную плату и уплатит за 2 месяца. Управление отказалось и рабочие отказались, заявив, что будут судиться, подавать иск за нарушение и рассчет по срок найма. Г. Тульчинский прекратил переговоры 30 марта, а 1 апреля мы перешли в ведение полиции, начальником которой с 1 апреля был назначен жандармский ротмистр Трещенков.

До 3-го апреля все обстояло благополучно, если не считать того, что мировой судья, он же и следователь, г. Хитун присудил 9 семейств к немедленному выдворению

из квартир, даже не давши срока для обжалования. К счастью г. исправник отказался это исполнить, как незаконное да и выселять-то некуда, т.-к. самое ближайшее жилое место есть город Бодайбо, который находится в 60 верстах (выселять хотели из Феодосиевского). Наконец в ночь на 4 апреля начали арестовывать выборных и объявили их главарями и подстрекателями. 4-го апреля утром рабочие Андреевского, Утесистого и Васильевского приисков пошли к г. Тульчинскому и просили его ходатайствовать об освобождении арестованных заявив, что никаких главарей и подстрекателей у нас нет и не было.

Г. Тульчинский обещал дать ответ в 3 часа дня. Рабочие пришли домой, написали каждый от себя заявление, а у некоторых были уже написаны раньше, и одно общее: общее на имя г. Тульчинского, а от каждого—на имя тов. прокурора и понесли их на Надеждинский прииск, где тов. прокурор находился, т.-к. послать с ними несколько человек, то их опять сочтут подстрекателями и арестуют.

По дороге к ним примкнули рабочие Пророко-Ильинского и Александровского приисков с подобного же рода заявлениями. Не доходя до дороги, поворачивающей на Надеждинский прииск, раздался сборный сигнал, как объясняют рабочие в подтверждение этого, начали выбегать солдаты из караульного помещения народного дома и становиться в строй. Лишь только рабочие достигли дороги, к ним подбежал г. Тульчинский со стражниками со словами: „остановитесь, куда идете?“ Рабочие остановились. Один из рабочих вынул из кармана общее заявление со словами: „вот это вам, а идем мы к тов. прокурора с заявлением“, которое тоже показал. Г. Тульчинский сказал: „ну и прекрасно, но только уговорите толпу, чтобы она дальше не шла, а то могут стрелять. Если хотите соединиться с феодосьевскими рабочими, то идите кругом по дамбе, а около караульного помещения не ходите, а мы туда приедем с тов. прокурора“.

Когда остановились около Тульчинского, то некоторые стояли, а некоторые сели закуривать, задние легли на табора леса и, тоже умостившися и повытаскав кисеты, стали закуривать. Один из рабочих взлез на табор и только хотел передать слова г. Тульчинского задним, которые не слышали его. В это время раздался залп, заглушая все. Толпа в это время упала на землю. Солдаты продолжали стрелять по лежащим, которые поднимались и согнувшись перебегали назад к Александровскому. Чтобы избежать больших жертв, раздались крики: не бегите, лежите смирно. Солдаты расстреляв первые обоймы и заложив вторые, продолжали стрелять, не обращая внимания на махающего фуражкой и платком и называющего по имени и отчеству ротмистра и кричащего, что вы делаете, Тульчинского, становившегося на колени, во

время перерыва для вкладывания обойм. После расстрела вторых обойм заложили третьи.

Г. Тульчинскому, каким-то чудом, удалось выбраться из трупов убитых вне сферы огня. Только тогда солдаты прекратили стрельбу. Некоторые рабочие начали поднимать убитых и раненых, некоторые пошли обратно к Александровскому прииску. Тогда на тех, кто подбирали, раздался окрик: „уходите, сами подберем, а то и в вас будем стрелять". Рабочие ушли, положив тех кого подняли. Оттого, что рабочим не позволили подбирать раненых, многие умерли от потери крови. По приходе на ближайший Александровский прииск рабочие немедленно попросили тов. прокурора, для осмотра места побоища, он не пришел. Через несколько дней перед похоронами опять пригласили осмотреть убитых и умерших от ран, т.-к. у многих были раны в спину, бок, затылок, ноги; у некоторых по 3—4 раны сразу,—тоже не приехал. Во время стрельбы за цепью солдат стояли: ротмистр Трещенков, мировой судья Хитун и товарищ прокурора Преображенский. Никакого оружия, палок и инструментов у рабочих с собой не было. Не доходя Надеждинского рабочие встретили г. Савикова, с которым все поздоровались. Во все нерабочее время рабочие вели себя мирно и тихо, ни одного оскорбления не только полиции или войскам, но и даже служащим, удаления которых в начале забастовки требовали, не было.

За что свыше 400 человек убили и ранили, не знаем...

* * *

Печальную картину представляла дорогу от Надеждинского до Андреевского приисков 4—5 апреля; везде тянутся понурые и усталые рабочие, хромающие и изгибающиеся. легко раненые; воза с ранеными и убитыми тянутся по всем приискам, т.-к. в течении 2-х часов ближайшие две больницы (Феодосиевская 3 версты и Липаевская 5 верст) были совершенно переполнены; в номерах крики сирот и плач вдов. А телефоны беспрестанно звонят и все требуют лошадей под убитых. Собрали на месте расстрела, начали собирать по дорогам, т.-к. многие сгоряча понадеялись на свои силы и думали добежать до прииска. Медленно подвигались обратно рабочие Андреевского прииска. Ночью 4-го апреля в 10 час. пошли на Надеждинский (30 верст), с 4-х до 6-ти был расстрел; в 11 час. ночи пришли обратно, но многие остались на Александровском, многие на Пророко-Ильинском, а некоторые до утра тащились. У многих прострелены шапки, спины пиджаков и шуб, голенищи, подборы. С приходом первых вестников начался плач жен и детей. Утром и после обеда пошли и поехали жены и земляки отыскивать и узнавать своих мужей и товарищей; к обеду потянулись фуры к больнице (4 апреля в номерах остались одни женщины с детьми, да больные,

остальные, кто мог идти, пошли все хлопотать за арестованных).

На второй день, т.-е. 5 апреля, ротмистр Трещенко расклеил объявление: „предупреждаю, что всякие сборища будут много рассеяны. Не слушайте главарей и подстрекателей, доведших вас до кровопролития, которые, подстрекая вас идти вперед, сами трусливо прячутся за вашими спинами, и остаются ненаказанными. Предупреждаю, что всякие поджоги и разгромления приисков и лавок мною будут караемы беспощадно. Для каких либо переговоров предлагаю выбирать по 2 человека от прииска, но благонадежных, а не главарей. Ротмистр Трещенков". Вот, приблизительно содержание объявления, буквально не помню и найти теперь не могу подлинника.

Как видно из первых материалов, никаких главарей нет и те, кого они сами называли этим именем, уже были арестованы. Никаких поджогов и разгромов не только не было, но и никто и не думал делать. Стражники разъезжали день и ночь, разгоняя рабочих. На Феодосиевском ротмистр заскакивал в номера и потрясая револьвером, грозил расправиться по своему, если на работу не пойдут. Но на работу не только не пошли бастующие, но даже те, кто работал из вольнонаемных (на приисках все контрактованные) 5-го не вышли, не работают и по сие время.

Священник Надеждинского прииска при первых выстрелах закричал: „Господи, что они делают!" и упал без сознания, в настоящее время лежит разбитый параличем.

На утро, т.-е. 5-го, вся площадь на месте расстрела оказалась усыпанной камнями и палками, несколько буров и даже, как говорят, один револьвер. Фотографические снимки все были арестованы, как шли рабочие, как подавали заявление Тульчинскому и, кажется, первый залп. Ночь 4-го и весь день 5-го апреля администрация приисков с ротмистром была занята составлением телеграммы, и только в 5—6 часов начал распространяться слух между служащими, что рабочие шли с палками, камнями, при выстреле передние упали, а задние с криками „ура" бросились де на солдат и солдаты до того растерялись, что перестали слушать команду.

На 4-й день начали хлопотать о похоронах убитых, т.-к. трупы начали разлагаться, а на все просьбы тов. прокурора об освидетельствовании, он упорно молчал. Пошли несколько человек за разрешением. Терещенков заявил, что хоронить можно, „но если хоть один человек начнет говорить речь, или если кто нибудь из толпы запоет, я открою огонь по всем, вы будете оцеплены солдатами, тогда придется вас всех хоронить. Если на таких условиях не желаете, я сам схороню". Рабочие, обсудивши на всех приисках, решили: пусть сам хоронит, коли побил, а на таких условиях невозможно, т.-к.

может быть провокация, но гробы все-таки начали делать сами. Но в последний момент все-таки жалость к товарищам и любовь жен и детей поколебали это решение и почти половина рабочих потянулись вереницей к больнице Липаевского и оттуда на кладбище, где и схоронили в общих могилах по 20 человек в каждую.

Мир праху вашему, дорогие товарищи!

... Управление обождавши дня 3—4 вывесило объявление о наемке, это по счету 4-е, но рабочие не пошли, заявивши: „добивайте всех, а на работу не пойдем; если останемся живы, то вывозите нас—у палачей работать не желаем". Управление недоумевало, что это такое? „побесились" что-ли рабочие, или кто подменил их: то была такая „послушная шпанка" (другого названия рабочим здесь нет), а теперь на тебе.

Так и остались рабочие ожидать пароходов для отъезда по домам. Почтовые сообщения здесь прерваны, только телеграфом можно сноситься и полетели телеграммы по всем городам и всей Российской империи: я жив, я ранен, тот убит, ожидайте приеду и т. д. и уже в мае мы узнали по телеграфу, что был запрос в Гос. Думе.

4-го мая привезли паспорта и приказали брать. 5 мая рабочие брали, а 6-го уже ходили, сказали давать не приказано; 7-го вывесили объявление, чтобы брали вклады из Гос. Сбер. Кассы, у кого есть во избежание задержек по приходе парохода, рабочие пошли, денег не дали, „не торопитесь" говорят. 7-го мая г. Тульчинский созвал со всех станов рабочих и объявил телеграмму из Горно-Заводского присутствия, ему пишут: „уговорите рабочих приступить к работе в интересах следствия. Прибудет сенатор Манухин и г. губернатор для ревизии; в случае отъезда может быть эвакуация и следствие может быть недостаточно освещено за отсутствием очевидцев". Г. Тульчинский начал уговаривать работать; уговаривал у себя, ездил по приискам, старался во всю. Но рабочие заявили: „Как мы пойдем на работу? Что мы получили неработавши 2 месяца? Что нас ублаготворили пулями? Да выборных наших арестовали—покорно благодарим! Мы работали до тех пор пока здесь были прииски Ленского Зол. Товарищества, а теперь стала бойня, а на бойне работать не желаем" и это было единодушное заявление всех приисков.

Г. Тульчинский спросил: „да вы вообще то будете работать или совсем не хотите?" Ему ответили, „от работы мы не отказываемся, но без прибавки не пойдем, пусть вывозят, и даже если и прибавят, то до комиссии не пойдем, а то нам своими руками придется уничтожать все злоупотребления в шахтовых работах". И с этими словами разошлись.

8-го мая рабочие Феодосиевского прииска выработали условия, на которых они вышли бы на работу по приезду комиссии и роздали по приискам для обсуждения. Один экземпляр попал и г. Тульчинскому. Он немедленно телеграфировал в Петербург, что рабочие согласны на таких условиях выйти на работу. Наступило затишье. Полиция продолжала арестовывать бывших выборных. Арестовала между прочим Баташева и разочаровалась, так как ротмистр тогда телеграфировал, что одним из главных предводителей—бывший член 2-й Гос. Думы Василий Баташев, а это оказался Павел Баташев (брат того Баташева) и никогда ссыльным не был. Ротмистр Трещенков продолжал хозяйничать. 15 мая рабочие собрались на вокзал Феодосьевского прииска к поезду, приехал Трещенков начал кричать и, выхватив револьвер, стал размахивать им во все стороны: „что, говорит, забыли 4 апреля, еще хотите отведать?“

В депо Бодайбинской ж. д. расчитали половину машинистов, отказавшихся возить солдат. В г. Бодайбо почти ежедневно производились обыски: искали тех лиц, которые составляли телеграммы, в Гос. Думу и газеты, у некоторых было по 2—3 обыска. Всего выборных арестовано человек 22—23. Перед расстрелом, на Александровском было запротоколено 2 туши негодного мяса в продовольственной кухне, оно было запечатано в отдельной комнате, и стражник его охранял, но после расстрела, оно пропало ночью неизвестно куда. Трое рабочих пошли справиться, куда девалось и взять копию протокола, их арестовали...

19 мая у нас получился один номер петербургской рабочей газеты, из которой мы узнали, что рабочими почти всей России, была проведена одновременная забастовка ввиде протеста против событий в Бодайбо. Радостно забилось наше сердце. Газета попала в Бодайбо в 7 час вечера. Рабочие всю ночь по номерам читали, и в каждом номере по прочтении присутствующими единогласно произносилось: „спасибо товарищи, поддержали, спасибо“. Некоторые плакали из признательности. Многие, прослушавши в одном номере, переходили вслед за газетой в другой, так что наполовину наизусть выучили. Теперь только и видно, как разбирают и пальцами водят по газете рабочие, хотя раньше очень редко, кто читал их. Уже в 5 часов утра с N-ского прииска (7 верст) пришло два гонца просить газету („что нас поддержали“).

Очевидец.

„Просвещение“ № 8—9, 1912 г. СПБ.

Ленский расстрел.

Как это было давно и вместе с тем так близко...

В железе мы жили, железо давило нас. Всюду кругом было железо! Железо в маленьком оконце не пускало к нам свет, загораживало от нас и синеву небес. Железо болталось у нас на ногах, лязгало на руках.

И мы сживалися с этим лязгом. И когда кто нибудь из нас, хотя на время, отчасти, вырывался из этого сплошного царства железа, он чувствовал себя как бы не совсем хорошо, тревожно, ему чего то недоставало. Ему не хватало железа...

И вот в этом железном прошлом у нас бывали яркие, незабываемые минуты.

Жизнь творящая, могучая, непобедимая врывалась к нам сквозь решетку, под бетонные своды и зажигала в нас огонь былого воодушевления, делала нас снова борцами... И цепи на наших ногах были уже цепями на крыльях орла.

Вот одну из таких минут мы пережили, когда до нас впервые дошли вести о Ленских расстрелах.

С грохотом и лязгом открылась дверь и «старший» начал вызывать по списку на «свиданье». Таких счастливцев оказывалось не очень много. Мы были в чужом городе—наши близкие любимые друзья жили вдалеке от нас...

Настала наша очередь. Бежишь к решетке. Еще с той стороны нет никого. Стараешься выбрать место получше, ближе к стене, чтобы меньше мешали, подальше от надзирателя, который ходит между решетками, отделяющими «нас» от «них». Тревожное нервное состояние... боишься—а вдруг не узнаешь того, кто пришел к тебе; а что если «невеста» или «сестра», когда она будет искать своего «близкого», как нибудь неосторожно выдаст себя.

Я, такой-то, здесь!—Кричу я, забывшись и рискуя вылететь вон. И вот видение из другого мира... Молодая, светлая девушка стоит против меня. Участливо глядят глаза, вижу, что шевелятся губы, но ничего не слышу.

Кричите—кричу. Кругом, стон, крик...

В те мгновения, когда надзиратель удаляется, торопясь она сообщает мне: «На Лене, на приисках была забастовка,—стреляли, есть убитые... Много... Волна забастовок прокатилась по России; бастуют даже студенты, большой день в Государственной Думе!..

Ледяная кора прорвана!

Как окончилось свидание, как выбрался я в коридор, получил в руки узелок «с передачей»—помню, как в тумане.

Знаю, что сердце колотилось и билось как безумное.

И бурная радость, смелость заливает сердце. Скорее бы добраться до камеры, рассказать своим... Как ураган, врываюсь в камеру; кругом меня толпятся вопрошающие лица, встрево-

женные моим необычайным видом, сумасшедшими глазами. От волнения я не могу, не знаю с чего начать.

И долго, долго в этот весенний день мы на все лады обсуждали полученную весть.

Не раз подходил к «волчку» надзиратель и грозил, что доложит «старшому», что мы после «поверки» шумим и не спим!! Бедный раб!—Он не знал, что волнует нас, что раскаты грядущей бури теснятся в нашей груди.

Под бетонные, давящие своды, в это царство железа, унижения и рабства проникли зовы жизни и снова зажгли в нас огонь и волю...

...Я свободен на берегах могучей красавицы Лены. Но красота ее мне непонятна, чужда.

Страна изгнанья и неволи не может для меня стать второй родиной.

Не ходит за мной человек с ключами; здесь нет железа.

Но эта бесконечная зима, с ее мертвой тишиной, ужасными морозами, бесконечными снежными полями, гнетет меня не менее железной решетки...

Мы группка—гвардия ссылки, всеми силами старались чтобы тина повседневной жизни не затащила нас в болото обывательщины и боролись, как могли, как умели...

... Приближалась годовщина 4 апреля... Собралась руководящая группа, наметила ораторов, поручила найти место собрания...

Весна уже давала знать о себе долгими прозрачными вечерами и оттепелью.

Через реку уже перебирались только по мосткам. Решили собраться не в городе, а на другой стороне реки, в деревне, у пароходной пристани.

Вечером вереницей потянулась ссыльная братия по мосткам через реку, не возбуждая ни в ком ни внимания, ни желания пристать к нам.

Вода хлопала под мостками, небо синело, синел снег и все кругом в весенних сумерках окрашивалось в синие тона.

Народа собралось еще мало, в комнату входить не хотелось—сумерки манили к себе, хотелось побыть одному, углубиться в свои мысли...

И невольно встали воспоминания о тюрьме, о первой вести о 4 апреля...

...Вот они, эти священные тени безыменных борцов сложивших свои головы «за други своя»—о них буду я говорить...

Их кровью орошены снега Сибири 4 апреля, они гибли на баррикадах, умирали в тюрьме...

Они не даром погибли, их кровь крепким цементом скрепила здание грядущего царства труда и всечеловеческого братства...

Из прозрачных, весенних, синих сумерек я вошел в душную накуренную темную комнату.

Но на душе у меня было светло...

Немного спустя, через открытые двери и окна, вырвалась на простор Лены наша боевая песня и понеслась в весеннем воздухе, рыдая о мертвых, призывая к борьбе живых...

В. Мулин.

(«Петрогр. Правда»—вечерний выпуск 17 апреля 1918 г. № 77).

Пояснения о событиях на Ленских приисках и о расстреле Ленских рабочих *).

Товарищи, мы слыхали и читали в газетах о событиях на Ленских приисках. Это было не так давно при старом буржуазном строе, где государством России правил Николай Романов и вот это событие и было в 1912 году. Работа на приисках шла своим порядком, рабочие изнемогали от тяжести и недостатка пропитания для своего существования. Им приходилось переносить все и молчать до поры до времени. Но терпение рабочих начинало постепенно иметь свои границы и наконец лопнуло, и это лопнуло в 1912 г. в феврале м-це.

В феврале начались тайные рабочие собрания, где решили прекратить работы и об'явить забастовку, на почве требования прибавки жалованья, улучшения продуктов и казарменных помещений. Требование было направлено в местное Правление приисков. Работа на приисках была одновременно прекращена, как по команде или по общему сигналу. Началась новая ужасная жизнь рабочих, так как местное правление отказалось от требования рабочих, а своевременно требовало начать работы, а в противном случае говорило местное правление, мы заставим вас работать силой и вы будете работать. Но рабочие вожди категорически сказали: мы работать не можем, потому, что требование наше не выполняется, а так как работать дальше нет наших сил, удовлетворите и мы начнем работать. 65 верст от приисков в гор. Бодайбо была местная команда около ста человек и вот местное правление опираясь на штыки солдат угрожало вызовом солдат для подавления и расправы с активными руководителями забастовки, но эта угроза ни к чему ни привела. Забастовка шла своим порядком и становилась все резче и резче. Рабочие устраивали митинги, где требовали все, что требовалось рабочим, как то: прибавки жалованья, улучшения продуктов и казарменных помещений, но требование категорически отказывалось выполнять местное правление. С рабочими шел рука об руку главный инженер приисков Константин Николаевич Тульчинский, который все время просил правление приисков, чтобы прибавили жалованье и улучшили существование рабочих, так как жить в тех условиях в которых живут рабочие или вернее существуют—нельзя, но на него обращали

*) Материалы к празднованию 10-й годовщ. Ленск. событий—Гувуз 1922.

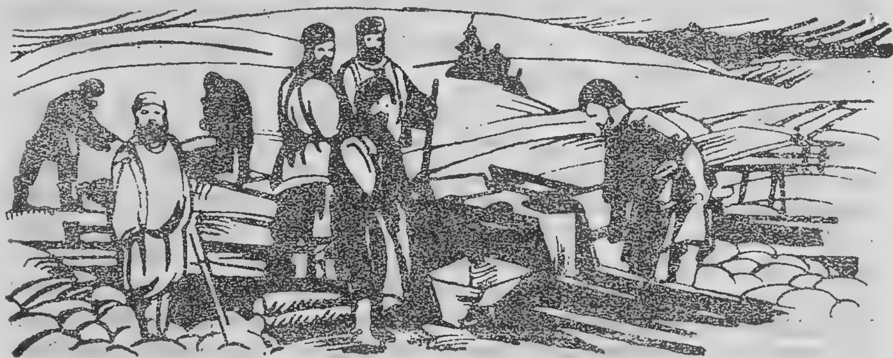
мало внимания и его хлопоты не помогли рабочим. Между тем местное правление сообщило в главное центральное управление приисков, которое было в Москве, о забастовке рабочих на приисках на почве прибавки жалованья и улучшения продуктов и казарменных помещений рабочих. Центральное главное управление ответило: заставить рабочих работать, а если не выйдут на работы, то правление примет решительные меры для подавления забастовки.

Тянутся скучные и суровые кошмарные дни и тянутся долго, а нового нет и нет. Но вот приехали представители из главного центрального правления. Всех было четыре человека. Как приехали, то сразу собрали митинг рабочих, где представители просили рабочих о выходе на работу и обещая уладить все как лучше не надо и говорили много кое-чего, но рабочим это не принесло ничего хорошего, а только больше остервенения рабочих на правление. Представитель делал несколько митингов, но они ни к чему не привели и он уехал обратно, не солоно хлебавши, так как наладить ему отношения рабочих с правлением не удалось. Рабочие говорили им: Вы прибыли сюда не для того, чтобы за наши недостатки хлопотать, а наоборот наладить на лучших условиях отношения с рабочими для правления. Вы говорите очень хорошо и мягко стелете, но спать приходится твердо. Они уехали озлобленные на рабочих и обещали солдат для расправы с рабочими. И их обещание исполнилось, которое принесло несчастие и смерть для рабочих. Вместо прибавки жалованья им прислало правление солдат, которые были жестоки. Вскоре после уезда комиссии прибыл новый палач для расправы с рабочими, это был поручик Трещенко, который прибыл с отрядом солдат для постановления порядка и работ на приисках. Он не считался ни с чем, ни с жертвами, ни с нищетой, бедствиями рабочих.

4 апреля 1912 года был устроен крупный рабочий митинг, где собрались рабочие со всех приисков, были все главные руководители рабочего движения... Трещенко, узнав про этот грандиозный митинг, прибыл тайно со своим отрядом на прииск Надеждинский, где расположился в Народном доме, где предполагался митинг. Рабочие не зная о прибытии отряда на прииски, не ожидали ничего страшного. 4 апреля рабочие собрались на Александровском прииске, откуда решили двинуться в главное управление, которое было на прииске Надеждинском и требовать скорейшего результата о прибавке жалованья и всего, что было пред'явлено рабочими. Рабочие двинулись к правлению, их было около 5000 человек, не доходя до правления решили начать митинг и послать делегатов в правление. Митинг начался, тогда Трещенко вышел и приказал рабочим разойтись и прекратить митинг, а в противном случае я расправлюсь с вами по военному. Рабочие, не думая о последствии и не ожидая от человека такого вида, как и они, чтобы он мог

что нибудь сделать, и, стали продолжать митинг. Тогда зверь человек в виде поручика Трещенко вывел своих солдат и выстроил против рабочих, еще раз крикнул: разойдись или я прикажу стрелять по вас и он скомандовал солдатам: рота, прямо по толпе, но его голос оборвался, так как крики ужаса и страха рабочих огласил митинг, тогда вдруг раздался залп выстрелов в воздух, а второй по народу, народ в ужасе и панике стал разбегаться, но пули их догоняли, и рабочие валились как скошенная трава, мертвые и раненые, повторилось несколько залпов и прекратилось, так как стрелять уже было не к чему. Груды тел и стоны раненых наполнило страшную картину. Трещенко, когда видя его удачу в том, что он свою задачу выполнил, его это радовало, он приказал солдатам все, что нужно, сдирать с убитых и раненых, солдаты бросились в опьянении исполнять приказание своего начальника и стали сдирать с убитых и раненых рабочих кольца и все что попадет под руки. И так окончилась забастовка рабочих, которая принесла только смерть и осиретение и нищету для сирот убитых отцов, мужей и т. д...

Писал и составил очевидец всей этой страшной казни Ленских рабочих курсант 8-х Сибкавкурсов 2-го эскадрона 1-го взвода Илья Григорьевич Румянцев.

Документы.

Показания рабочих.

(Из Баташевского сборника).

Выборный Х. Я работаю на прииске Феодосиевском II дистанции, прииск работается, затопленых шахт нет. На нем находятся разные служебные постройки, конный двор, кузница, магазин, одна продовольственная артельная кухня, амбар, квасоварня для рабочих, баня одна,—в ней два отделения, баня настолько мала для рабочих, что белье приходится класть на пол, белье часто смешивается и его трудно потом разобрать, горячей воды не хватает, приходится зимой мыться холодной водой. Трубы часто лопались и приходилось без мытья быть недели по 2, по 3. . . .

Больница построена около золотопромывной машины, от шума нет покоя больным, койки во время действия дрожат. . . Школы нет, она на Надеждинском прииске. С Загалдына детям приходится в школу ходить 5 верст. . . .

. . . . В шахтах сушилок нет, при сменной работе новые рабочие надевали мокрые кожаны отработавших рабочих. Постоянно своя одежда была мокрой. Зимой в мокрой одежде приходилось 3½ версты до Александровского, 1½версты до Загалдына и т. д. итти пешком.

Динамит хозяйский, но плохой, бывает много дыму и ядовитого газу, который при отсутствии вентиляции в шахтах держится очень долго, причиняя угар и головную боль. С признаком угара никогда не доставляют наверх.. Угар не считается за препятствие для работы. Если угоревший не выходит после обеда на работу, день считается прогульным. В забоях работают по 4 человека с 2-мя восьмириковыми свечами. Ранее выдавали четвериковые, до Белозерова, потом шестириковые, а теперь восьмириковые. Белозеров, вступая на работу, заявил, что при мне работать будут не так, как при Граумане (прежн. завед.): «при мне у рабочих останутся нос да глаза, а у лошадей хвост да грива». . . (стр. 156, 157, 158).

Б — 1 . . . Помимо сочувствия увольняемым товарищам наше присоединение к забастовке было вызвано и другими причинами, ибо положение рабочих Надеждинского прииска нисколько не отличалось от положения рабочих в других при-

ских. Так же как на других приисках мы, цеховые Надеждинского прииска, страдали от дурных помещений, недоброкачественного продовольствия, обсчетов, расплаты талонами, недостатка врачебной помощи, произвола и оскорблений со стороны служащих.

Цеховые помещаются в казарме № 6 и 7, представляющей собой половину конюшни, при чем другая половина, где помещаются лошади, отделена от наших жилищ двумя переборками, пространство между которыми наполнено опилками. Казарма стоит в яме, ниже наружной почвы, вследствие чего вода и жидкий навоз из конюшни просачивается к нам. Зимой бывает так холодно, что приходится спать в шубах. На нашу просьбу сделать ремонт заведывающий механической мастерской Демут ответил: «Если вам нужно тепло, облепите наружные стены снегом и залейте водой». Пришлось так поступить...

...Продукты почти всегда доставлялись нам недоброкачественные; задних частей мяса нам не давали. Очень часто мясо попадалось совершенно гнилое, так что его приходилось выбрасывать, иногда же давали какое-то белое мясо с особым запахом, его мы также не ели, рыба была тухлая и вонючая; капусты всегда не хватало; ее выдавали не более 5-ти фунтов зараз на человека. Прошлое лето совсем не было ни капусты, ни картофеля. Случалось так—получишь картошку, а спустя короткое время жена говорит мне, что картошки нет. Спросишь, почему так скоро вышла картошка. Оказывается, что из полученной половину пришлось выбросить: гнилая. Хлеб выдавался из непросеянной муки: в нем часто попадались песок, рогожные тряпки и даже конский кал. .. (стр. 163, 164).

Выборный Александровского прииска Ф. Р-ев, горный рабочий, 25 лет, грамотный.

Работаю я на приисках год. Когда я приехал, то меня больше всего поразила обстановка, в которой рабочим приходится жить на приисках: жилища, пьянство рабочих, непосильный, тяжелый труд. Рабочий работает до пота, который просачивается через рубашку, а заработок ничтожен. Причиной этого постоянные обмеры, которые мне приходилось по просьбе рабочих выяснять. Затем поражало меня обращение администрации с рабочими. С ругательством начиналась работа и ругательством кончалась. Сыск и шпионство. Доносы шли не только от служащих, но и от рабочих. Доносчикам и шпионам из рабочих давали ход. Их ставили в лучшие забои. Все эти непорядки и особенно последний из них замечались рабочими. В свободное время во время застоя бадей, шли разговоры об этих непорядках и забастовках в России. Чувствовалось, что недовольство рабочих должно породить забастовку... (149 стр.).

Р-к-н А., слесарь Андреевского прииска, крестьян. Свинц. уезда 37 лет, холостой.

. . . Работаем мы все за поденную плату, сдельных же работ у нас нет. Летом мы пользуемся двумя днями отдыха в месяц, зимой отдыхаем все праздники, но за дни отдыха нам плата не идет. . . Пользуясь тем, что все рабочие, не исключая и цеховых, нанимаются как чернорабочие (по общему договору) при чем по договору ни от каких работ мы не смеем отказываться, приисковая администрация очень часто переводит мастеровых в чернорабочие или попросту заставляет чистить дворы. Делается это в целях наказания или просто для того чтобы свести счеты с неугодным мастеровым. Инженер Цинберг однажды (это было в начале новой операции) откровенно сказал, что право перевода мастерового в черную работу—это единственное у них, т. е. «у приисковой администрации оружие против цеховых рабочих». Это оружие применялось очень часто и иногда без всякой вины со стороны рабочего. Укажу пример: слесарь Ломов был переведен в чернорабочие единственно за то, что указал на неправильную запись его заработка. . . (стр. 168, 169).

С. П-ов, кр-н Ялуторовск. у.

. . . Магазин торгует с 8 ч. до 8 ч., в праздники—воскресенье—с 12 ч., в малые праздники, торгует, в двунадесятые—с 12 до 4. В магазине покупают все и рабочие в том числе. Ранее по талонам принудительно продавали. Я вешаю муку или что другое, рабочие говорят—хоть не надо да беру. По талонам позволялось брать сколько угодно посторонним. Если кто нашел талон, то тоже получал по нему. Приходят вместо получившего талон обычно «матери», мальчики, товарищи, поэтому не разбирают. Если чего рабочий не берет или возражает, сейчас по телефону на казачью, посидит 2—3 суток—его выпустят. Урядник его сажает сам, он у нас царь и Бог. . . (стр. 169).

«Лесоспуска нет ни в одной шахте. Лес спускают в бадьях в каждой шахте. Это очень опасно, особенно, когда спускается тяжелый лес, бывали от того и несчастные случаи. В каждой шахте для спуска рабочих лестницы—стремянка. Глубина шахт от 18 до 23 сажен. Главные штольни освещаются электричеством, но электричества не хватало, особенно зимой. Коридоры освещаются свечами, восьмириковыми, очень скудно. Лестницы—2 лампочки электрических на весь спуск, иногда свеча. Выката, по которым приходится катать тачки, очень плохи, нередко приходилось катать по одной доске, шириной в 4—5 вер., большею же частью 4 вершка, нередко приходилось падать в канавы, аршин до полутора глубиною. На бортах штолен навалилось много камней, целые груды, вышиною более 2-х аршин.

Из показаний женщин.

Х - а Фекла девушка 15 лет, отец на приисках горняком 3 год, живет на Сахалине, занимали мы с ним семейную койку, так как отец вдовец—ему 56-й год. Я ходила на женскую поденщину—зимой по субботам, а летом почти каждый день. Платили по 60 коп. Зимой мыла полы, полога шила для сена, в собраниях прислуживала, венки вила, и посуду мыла на маевках и вечерах, ходила по нарядам обходною, а не добровольно. Ходила на работу и на квартиры холостых. В собраньи заведывающий—если не придешь на работу—отцу грозил расчетом. На работе всячески ругал (матерно), называл «суками». . . Я раз с одной женщиной ходила мыть полы в помещении холостых, один служащий подходит и зовет меня к себе мыть полы; я говорю: «уж у вас вымыто». Он все продолжал звать—тогда я говорю: «мы пришли работать, а не по комнатам расхаживать». Тогда он отошел, потом опять приходит, показывает портмонэ и говорит: «вот пойдем». Но тут Марьюшка позвала с собой домой. . (стр. 172).

Т. С - а. «Во время майского гулянья для Белозерова ко мне стал приставать С. Г. и хотел меня изнасиловать, но я его обругала; тогда он на меня нажаловался начальнику, и на следующий день моего мужа вызвали в Раскомандировочную и об'яснили, что твоя жена дерзко относится со служащими, за это получай расчет. И по сие время мой муж ходит без дела, а домой выехать не с чем, не имея средств».

Анастасия Р - а, Томской губернии и уезда, 35 лет. «Муж ранен 4-го апреля, имею 3-х детей, живу на прииске Андреевском. Осенью прошлого года мне приказали драть мох. Работа эта очень трудная, а я была тогда «тяжелая» и ходила последнее время, ноги у меня распухли, как бревна, но не пойти на работу я не смела, т. к. знала, что за это выгоняют мужей. Однажды кустарник, который я тащила, вырвался у меня из рук и я упала на правый бок, который после этого болел у меня несколько дней. Я сказала об этом обходному Федорову, когда он снова стал гнать меня драть мох. Но он выругал меня и пригрозил, что назначат мужа к расчету. Тогда я пошла к доктору в Центральную больницу. Тот велел акушерке осмотреть меня и выдал мне записку, по которой я должна была быть освобождена от работ на 5-ть дней. Однако же не прошло и 3-х дней, как Федоров снова назначил меня на работу — на этот раз таскать камни для фундамента строившейся в то время на Васильевском прииске электрической станции. Я отказывалась и показала ему докторскую записку, но он записку отобрал у меня, а мне пришлось все таки итти работать на Васильевский прииск. Проработала я там всего два дня: очень сильно захворала и скоро родила мертвого ребенка». (стр. 176—177).

* * *

Общество Фабрикантов и Заводчиков Московского Промышленного Района.

Москва, 30 апреля 1912 года.
Петровка, Кузнецкий пер., д. 4.

Совершенно конфиденциально.

Милостивые Государи:

Мы осведомлены, что среди московских рабочих возникло предположение потребовать оплаты прогульного дня во время последних демонстративных забастовок, с целью пожертвования означенных денег в пользу рабочих и их семей, пострадавших при ленской катастрофе.

Ввиду сказанного настоящим честь имеем сообщить вам, что по произведенными нами подсчетам потери рабочих на заработной плате за один день забастовки в Москве и подмосковном районе определились в 67.000 рублей, а прямые убытки фабрик и заводов исчисляют от простоя примерно в 35.000 рублей.

Вместе с сим Общество Заводчиков и Фабрикантов Московского Промышленного Района считает своим долгом довести до Вашего сведения, что всякая оплата забастовочного дня усилила бы брожение в рабочей среде и послужила бы нежелательным прецендентом в будущем, наприм., в случае забастовки 1-го мая и т. п.

Наша организация имеет целью защищать всеми мерами принцип оплаты работы, а не прогула, по каким бы мотивам таковой не возникал; отступление же от этого принципа теперь, будет крушением сложившихся после длительной борьбы существующих нормальных отношений между работодателями и рабочими.

Общество Заводчиков и Фабрикантов в Петербурге также постановило за дни забастовки никаких платежей не производить.

Мы надеемся, что в настоящее сообщение Вы не оставите без внимания.

С совершенным почтением

Вице-Председатель О-ва (подпись).

Москва, 2 мая 1912 г.

Господам членам Общества.

Честь имеем довести до сведения г.г. членов Общества, что в экстренном заседании Совета 2-го сего мая единогласно постановлено:

Всех рабочих, не вышедших 1-го сего мая на работу или прекративших таковую, подвергнуть установленному по табели взысканий штрафу, причем особых об'явлений об оштрафовании не вывешивать.

Мера эта представляется тем настоятельнее, что недавняя забастовка рабочих, в виде протеста против «Ленских событий», прошла для рабочих безнаказанно.

Из собранных Обществом данных, забастовка 1-го мая имела организованный характер и представляется началом надвигающейся деятельности в смысле борьбы за улучшение условий труда и увеличение заработной платы.

Единообразная мера об'единенных работодателей должна напомнить рабочим, что они не намерены индефферентно относиться к нарушениям со стороны рабочих правил внутреннего распорядка и условий найма, тормозящим правильный ход фабрично-заводской жизни.

С совершенным почтением

Вице-Председатель Общества (подпись).

(«Пролет. Революция», № 3 (15) 1923 г., стр. 87).

Резолюции питерских рабочих по поводу ленских событий.

Завода Осипова в Петербурге.

«Вместе с расстрелом ленских рабочих расстреляны и наши груди. В таком грубом издевательстве над рабочим классом, мы, рабочие, обвиняем не только местных палачей, но и весь современный строй, и в частности господствующее большинство Государственной Думы».

Ватной фабрики Кожевникова.

«Ничто нам не поможет, ни слезы, ни протесты, а только организованная массовая борьба».

(Ольминский. Из эпохи «Звезды» и «Правды», стр. 33).

Из прошения рабочих Андреевского, Васильевского и Утесистого приисков.

«Покорнейше просим господина окружного Инженера: 1) проконтролировать все мясо и негодное все выбросить; 2) разделить мясо по сортам и сообразно качествам его установить цены с таким расчетом, чтобы три фунта 1-го, 2-го и 3-го сорта (по фунту каждого) сумма согласовалась с существующей за три фунта, и выдавать одно количество разных сортов, и, таким образом, уничтожится разница между служащими и рабочими в получении мяса за одну и ту же цену; 3) Вменить в обязанность служащим кухни не повторять: «Не хочешь, не бери», так как мы все потребители равны и цены платим одинаковые; 4) В амбарах и магазинах устроить сосуды для взвешивания продуктов, как-то: муки, картофеля и капусты, т.-к.

до сих пор на посуду не употреблялось и практиковалось обвешивание; 5) Расширить больницу, т. к. доктор выписывает совершенно больных, за неимением места, на работе их заставляют выполнять работы, как здоровых: 6) Внимательное отношение доктора с больными: сейчас практикуется обратное, пищу дают невозможную, белья больничного не хватает, лежат рабочие в своем белье, отчего масса насекомых; 7) Сдельную работу каждого дня записывать в рабочую книжку при сдаче работы и, если выработка по состоянию грунта не подана, подсчитывать хозяйскую (т.-е. поденую плату); 8) Вменить в обязанность смотрителя следить за достаточным освещением шахт, лестниц и исправностью выкатов; 9) Вежливое обращение с рабочими служащих: На всякую просьбу освещения или чего другого они отвечают площадной бранью и оскорблением, и таковые, как господин Горелов, Феоктистов и Бажанов, превзошли других и достаточно вывели из терпения рабочих, просим их удаления; 10) Выписывать не талоны а наличными деньгами, по мере надобности и сообразно заработка; 11) Допустить выборного в кухню, который следил бы за правильной выдачей продуктов и соблюдением очередей, что бы, раз служащий пользуется кухней и за таковые же цены,—получали также продукты в очередь. А выборные от рабочих содержались бы на хозяйском жаловании и сменялись по требованию рабочих; 12) Все дни потерянные в данном случае по вине администрации, проводить как рабочие; 13) Являющиеся лица, как депутаты от рабочих, а так же и другие рабочие, не должны быть преследуемы и расчитаны.»

Марта 1-го дня 1912 года.

Описание картины расстрела по словам очевидца выборного Д. С.

«Все согласились пойти к тов. прокурора с жалобой на все обиды и с просьбой увеличить женатым паек и на словах хотели выяснить об арестованных. «Сознательные записки» к тов. прокурору у многих были. Я шел в первом ряду; когда мы шли около отвала (справа дороги), офицер скомандовал и сыграли сбор. Мы шли медленно, вроде «разгулки», вижу по полотну идет Тульчинский. Повернул по Надеждинской дороге к нам, встретил нас у перекрестка. В это время, после сигнала, из Народного дома выскочили солдаты и заняли линию от входа в Народный дом до полотна. Мы стояли с Тульчинским против второго забора по Надеждинской дороге, за канавой. Нас окружал народ. Тульчинский поздоровался и спросил: «Скажите, братцы, куда вы идете?» Я отвечаю: «идем к товарищу прокурора с жалобой на обиды Ленского Товарищества и полиции. Только мы хотим, Константин Николаевич, сойтись с Феодосиевскими, чтобы вместе итти, а дорога перегоро-

жена. А зачем это солдаты. Стрелять будут?» «Нет, братцы, стрелять не будут,—только к солдатам не ходите». Я и говорю: «Мы этого и не думаем, а так как нет прохода, мы и одни к товарищу прокурора пойдем». «Нет, не ходите к солдатам, а вот идите тут через Механическую к Феодосиевскому». А я говорю: «Нет, пусть в нас не стреляют, мы по этому свертку пойдем к товарищу прокурора». Тут он спрашивает: «Зачем вы к товарищу прокурора идете, с просьбой какой?» Я говорю: «Мы не можем вам этого сказать, ведь вы сами с нами отказались переговоры вести, ведь вы от этих слов не откажитесь», а он и говорит: «Я хочу знать, братцы, вашу просьбу». Мы ему тогда и рассказали. Он нам ответил: «Я сейчас был на Федосиевском прииске, рабочие там согласились на мое предложение, что я им к 9-ти часам завтра представлю на глаза арестованных». «Почему же завтра, а не сегодня; мы уже тридцать верст шли—голодные. Мы подождем». «Братцы, скажите мне, если с вашей стороны погрома и насилия не будет, то я и сегодня представлю». Я и говорю: «Помните, как вы у себя говорили, что, как ехали сюда, боялись, что беспорядки, а увидев нас,—успокоились. Так все спокойно и пьяных нет. Зачем же вы теперь так говорите». — «Освободите нам путь к товарищу прокурора—мы тут пройдем». Вот в этот момент и был залп. Стояли и они, и мы к солдатам в полуоборот. Тульчинский тут и закричал: «Что вы тут делаете?», а я кричу: «Ребята, ложись». Тульчинский тоже лег и кричит: «Перестаньте стрелять, что вы делаете, варвары», а сам плачет, левой рукой машет фуражкой. Мы лежали с ним голова с головой, а ноги у него к Надеждинскому, а у меня к Александровскому тракту, потом он встал на коленях, опять махал фуражкой и платком. Я приподнялся, сейчас же пуля в рукав пиджака.

Видел, что солдаты стреляли и снова заряжали, перед ними лежали патроны. Как кончилась стрельба, мы вскочили, а кругом—кто полз, кто сидел, кто лежал без движения, стон стоял... кричат: «погибаю ,прощайте, братцы». Во время разговора с Тульчинским, кто сидел на заборах, кто на городьбе, так тут их и захватывали пулей. Никто специально Тульчинского не охранял. Один товарищ полз ему через ноги и тут его убило. Мне или кому-либо другому он свою фуражку не давал. Вот, когда вскочили, мы хотели у него личную подпись взять, что был с нами, но он не мог писать, к карману руку тянет и весь трясется, а тут ротмистр кричит: «Расходись, а то опять стрелять буду»—так и бросили. Во время стрельбы три человека за фалды Тульчинского держали (Ф., П., Я.), так как думали, что если он убежит, нас тогда переколят или перестреляют всех. Кто знает, что у них на уме было. Прямо с места я побежал на Феодосиевский прииск, так как видно было бегущих оттуда и мы боялись, чтобы они жертвы не принесли».

(Плетнев—«Лена», стр. 43).

Календарь событий

1912 год.

Февраль 29. Рабочие Андреевского прииска оставили работу.

Март 3. Забастовка охватила рабочих всех приисков «Лензото». Бастует 5000 человек.

» 4. Собрание выборных от рабочих, на котором были выработаны требования, пред‘явленные администрации приисков. На этом же собрании оформилась организация, руководившая стачкой—стачечный комитет.

» 5. Теппан, заместитель главного управляющего приисками, вывесил об‘явление о том, что Правление «Лензото» отказывается удовлетворить требования рабочих. Рабочим предлагается стать на работу или получить расчет.

» 6. Окружной инженер горного департамента Александровский на собрании выборных от рабочих признал, что договор нарушен «Лензото».

» 15. Администрация приисков уменьшила рабочим паек. В суде начался разбор дел о выселении рабочих из казарм.

» 18-19. Заседание присутствия по горнозаводским делам в Иркутске, на котором виновным в возникновении забастовки признано »Лензото», как нарушившее договор с рабочими.

» 19. На приисках приступлено к выселению рабочих из казарм.

» 20. На прииски прибыли инженер Тульчинский и ротмистр Трещенко.

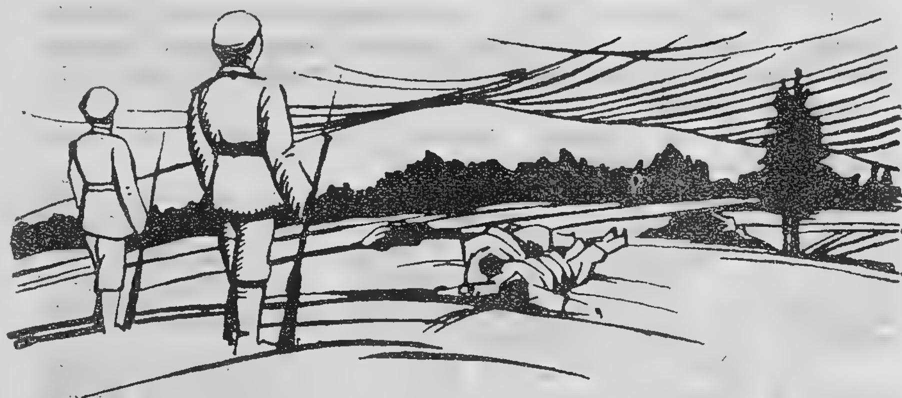
» 24. Собрание выборных совместно с Тульчинским.

» 24-27. Собрания выборных старост и всех рабочих, на которых обсуждался вопрос о продолжении забастовки. Выборные решили было стать на работу, но рабочие не согласились. Стачка продолжается.

» 24. Губернатор получил из министерства внутренних дел директиву—предложить Трещенко ликвидировать стачечный комитет.

Апрель 2. Директор департамента полиции Белецкий, минуя губернатора, приказывает ликвидировать стачку хотя бы силою.

»	3.	Ночью арестован стачечный комитет.
»	4.	Расстрел. Рабочие идут к прокурору Преображенскому просить освобождения арестованных. Их встречают выстрелами. Убито 270, ранено 250 человек.
»	8.	В Петербурге вышел траурный номер большевистской рабочей газеты «Звезда».
»	9	Запросы в Государственной Думе о ленских событиях.
»	9, 10, 11.	Похороны убитых.
»	11.	Выступление в Госуд. Думе министра внутренних дел Макарова, окончившего свою речь словами «Так было и так будет впредь».
»	14.	По всей стране прокатывается грандиозная волна забастовок протеста против Ленского расстрела.
»	29.	Правительство назначило комиссию под председательством сенатора Манухина для расследования событий.
Июнь	5.	Общее собрание рабочих на приисках единогласно отвергает резолюцию доверия царю, предложенную чиновником Майшем.
»	7-13.	Рабочие покидают прииски.

Политсуд над ротмистром Трещенко *).

Действующие лица.

Председатель суда—рабочий.

Судьи:—крестьянин и красноармеец.

Обвиняемый—жандармский ротмистр Трещенко.

Обвинитель—русский рабочий-коммунист.

Защитник—капиталист.

Свидетели: —Теппан — помощник управляющего приисском, Хитун—мировой судья (приисковый).

Галкин—горный исправник.

Быков—приисковый рабочий.

Шадрин—рабочий инвалид на костылях.

Зуева—работница.

Петров—солдат царской армии.

Комендант суда.

Два конвоира (красноармейцы).

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ.

1) С 29 февраля 1912 г. на приисках Ленского золотопромышленного т-ва вспыхнула мирная забастовка, которая была вызвана невозможными условиями жизни рабочих и их полнейшим закабалением.

2) Правление Лензото вызвало однако войска во главе с жандармским ротмистром Трещенко.

3) Ротмистр Трещенко еще ранее, в 1905 г. проявил себя, как бесчеловечный враг рабочих. Под его руководством проходила карательная экспедиция в Сормове, он разгромил пушками вокзал в Нижнем-Новгороде, когда там засело 5 человек дружинников; он был помощником начальника охранного отделения в Москве и расстреливал рабочих.

4) 22 марта он прибыл на прииски вместе с вооруженной командой, старался придать забастовке политический характер, искал агитаторов, слал донесения о якобы вызывающем поведении рабочих.

*) Материалы для суда могут служить воспоминания и показания рабочих, помещенные в сборнике.

5) Делегатов от рабочих, выбранных с разрешения управления приисками в целях упрощения переговоров, он выдает за стачечный комитет и настаивает на его аресте.

6) 3-го апреля рабочие обнаружили в артельной кухне тухлое мясо и, зная, что начальство не признает их выборных, в количестве 1000 человек направились к полицейскому дому прииска с требованием составления протокола.

7) Ротмистр Трещенко угрожал этой мирной толпе и кричал: «Остановись, сволочь, стрелять буду». Рабочие разошлись, когда инженер Тульчинский переговорил с ними и обещал принять меры, а Трещенко телеграфировал в Петроград, что он разогнал толпу.

8) В ночь с 3-го на 4-е апреля Трещенко арестовывает выборных от рабочих.

9) 4-го апреля ввиду того, что семейным не хватило хлеба, рабочие направились в Надеждинский прииск, где находилась главная контора, чтобы просить выдачи семейным 2-х пайков, а также узнать об участи своих выборных, и заявить, что между ними нет подстрекателей.

10) Рабочие держались мирно. Никакого беспорядка не было в этой 2000-й толпе, о чем Трещенко хорошо был осведомлен.

11) Когда рабочие приблизились к Надеждинскому прииску, Трещенко старался восстановить солдат, сказав им, что рабочие хотят их обезоружить, и отдал приказ стрелять пачками, в безоружную мирную толпу.

12) Тотчас же после расстрела Трещенко отправил ложную телеграмму, будто толпа после первого залпа набросилась на солдат с криком «ура», что заведомо ложно.

13) На следующие дни после расстрела, Трещенко занимается арестом и обысками среди рабочих.

Поэтому Трещенко считается виновным и привлекается к ответственности, как злостный враг трудового народа.

ПОКАЗАНИЯ ОБВИНЯЕМОГО.

1. Виновным себя не признает.

2. Действовал по долгу присяги и гордится, что неоднократно расстреливал бунтовщиков.

3. Рабочих считает виновниками расстрела ,так как по его мнению, забастовщики и революционеры одно и тоже, и те и другие—враги престола.

4. Ему удалось завести агентуру среди рабочих и хотя он и знал, что рабочие настроены мирно, но считал, что им полезно устроить «кровопускание».

5. Ни в чем не раскаивается и считает, что поступил правильно.

ПОКАЗАНИЯ ТЕППАНА.

1. Ленское золотопромышленное т-во возникло в 1861 г. Развивая обороты и скупая прииски стало монопольным владельцем золотоносного района.

2. В 1900—1904 г.г. т-во терпело убытки, но тогдашние министры Витте и Тимашев поддержали его ссудой. Дела исправились и перед забастовкой достигли своего наивысшего развития. За 3 года перед забастовкой добыто золота на 130.000 рублей.

3) Служащие получали на приисках большое жалованье и известный процент с каждого добытого пуда золота. Управляющий получал 36.000 рублей в год жалованья и в 1911 году получил попудного отчисления 86.000 рублей.

4. Забастовка могла подорвать бюджет «Лензото» и поэтому Теппан стремился ее подавить всеми средствами вплоть до вооруженной силы. Он писал в Петербург и просил прислать войска, хотя бы за счет Лензото.

5. Видя, что рабочие не сдаются, он издал распоряжение о прекращении выдачи пайка и выселении через посредство мирового судьи забастовщиков, желая охранить интересы Лензолото и думая, что голод и мороз заставят рабочих одуматься.

ПОКАЗАНИЯ ХИТУНА.

1. Во всем подтверждает показания Теппана.

2. Сам он получал жалованье у Лензото.

3. Считает правильным свое постановление о выселении бастующих рабочих.

После показания Теппана и Хитуна обвинитель ходатайствует о привлечении их к ответственности, как сообщников Трещенко и о взятии их под стражу.

Суд удовлетворяет ходатайство и берет Теппана и Хитуна под стражу.

ПОКАЗАНИЯ ГАЛКИНА.

1. Получал пособие от Лензото

2. Рабочие жили там в ужасных условиях.

3. Рабочие попадали как бы в ловушку. Расчет производился 10 сентября. Ушедшего по своему желанию рабочего Лензото доставляли лишь до Киренска, в 998 верстах от Иркутска, где тот не мог найти никакой работы. Уволенный шел пешком, и ему давалось только 2 фунта сухарей на день, при условии, если он будет проходить в день 25 верст.

4. Рабочие во время забастовки держались тихо. Только, когда пошел слух об аресте выборных (чего тогда еще не произошло), рабочие пришли к Галкину и требовали показать

им камеры (нет ли арестованных). Галкин показал и рабочие успокоились.

5. Ему было поручено выселение рабочих. Когда он пришел, рабочих не оказалось. Когда он говорил с толпой, то она расходилась. Никаких зажигательных речей он не слыхал.

ПОКАЗАНИЯ БЫКОВА.

1. Приехал из России, соблазненный жалованьем, не зная условий работы. Потом не имел возможности вырваться.

2. Получал 1 р. 50 коп. в день. Должен был за эту цену вырабатывать не менее 3-х кубических аршин вечно мерзлой и каменистой земли. Часто вырабатывал меньше, и тогда у него, вопреки договора, делали вычет из жалованья.

3. Жил в казармах, которые были наполовину конюшнями; с выбитыми стеклами. Ночевал на нарах. Ему с семьей из 3-х человек были отведены нары в 2 арш. ширины и 3 арш. длины. Нары были двух'этажные. Был такой холод, что сырые сапоги смерзались.

4. Жалованье никогда не уплачивалось деньгами. Платили продовольствием и талонами в лавку. Продовольствие было отвратительного качества. В складах обвешивали и обмеривали. Служащие забирали все лучшее.

5. Выборные от рабочих были выбраны по совету Галкина с согласия Теппана. Они не были агитаторами; наоборот, скорей масса подталкивала их. Т. н. было 24—27 марта, когда выборные согласились стать на работу, рабочие же отказались от прекращения забастовки.

6. Правление Лензото в удовлетворении требования рабочих отказало и 19-го марта стало выселять их из квартир на мороз.

7. Подтверждает все пункты обвинительного акта о расстреле без предупреждения безоружной и на редкость мирной толпы.

ПОКАЗАНИЯ ЗУЕВОЙ.

1. Ее муж убит во время расстрела.

2. Прибыла она из России вместе с мужем, но управляющий прииском не разрешил ей жить с мужем в казарме, и первое время она жила в землянке.

3. Когда она перешла в казарму, то ее стали брать насильно на работу, платя 30—60 коп. в день за услуги служащим прииска. Она бросала без призора дома 3-х малолетних детей.

4. Служащие часто брали женщин к себе в услужение для того, чтобы сделать из них наложниц.

5. Когда она была беременна, ее заставили все-таки работать даже после того, как она принесла записку от врача об освобождении. В результате—мертвый ребенок.

6. 4-го апреля муж одел лучшее платье и пошел в контору на Надеждинский прииск просить, чтобы дали 2-й паек, так как на один не было возможности существовать. С прииска он уже больше не вернулся.

ПОКАЗАНИЯ ШАДРИНА.

1. Работа на редкость тяжелая. 12-ти часовой рабочий день. На работу выходили за час до гудка, в 5 час. утра. Обеденного перерыва фактически не было. Работали в вечно мерзлой почве, которую разогревали кострами. От этого часто угорали. Когда он из «сухого» перешел в «мокрый» забой, то там с потолка лила вода так, что чуть не сбивала с ног.

2. Когда он перешел на работу по взрывам динамитом каменных пластов, то в виду того, что динамит ядовит, а ему не давали резиновых перчаток (полагающихся по закону)—он в 23 года стал инвалидом, полнейшей развалиной.

3. Когда он просил пособие, ему отказали, отказал и мировой судья Хитун, а приисковый врач сказал, что он здоров, в то время как врач городской нашел у него 80% потери работоспособности.

4. Подтверждает показания Быкова и данные обвинительного акта, касающиеся самого акта расстрела. Говорит, кроме того, что когда он наблюдал за Трещенко (он сам в толпе не шел, а стоял около конторы), то поразился, как Трещенко спокойно руководил расстрелом, а затем ходил между мертвыми и собирал все палки и кирпичи от производившейся рядом стройки, колья от изгороди, сломанной бежавшими в панике рабочими.

ПОКАЗАНИЯ СОЛДАТА ПЕТРОВА.

Он участвовал в расстреле. Когда после расстрела Трещенко приказал собирать кирпичи и колья, как вещественные доказательства злостных намерений забастовщиков, он наткнулся на труп рабочего, его земляка, из Рязанской губ., который отличался необыкновенной добротой и честностью. Этот труп не давал с тех пор ему покоя. Он много думал в бессонные ночи и понял, что забастовщики были правы, что преступно было их расстреливать. Он вспомнил, что он читал в одной запрещенной царем книжечке, с.-д. большевиков о несправедливой власти капиталистов и помещиков, которые заставляют армию итти против своих братьев рабочих и крестьян в защиту собственности и капитала, поэтому он считает, что армия должна соединиться с рабочими и сбросить ненавистную власть богачей.

ПРЕНИЯ СТОРОН.

Речь обвинителя. Он развивает положения обвинительного акта и показания Быкова, Зуевой и Шадриной, отчасти Галкина и Петрова и обвиняет весь капиталистический строй и царскую власть, поддерживаемую капиталистами и помещиками. Забастовка была вызвана Лензото, которое является типичным представителем хищного и алчного треста монополиста, не останавливающегося ни перед чем, даже перед кровью рабочих, для получения прибыли.

РЕЧЬ ЗАЩИТНИКА.

Забастовка могла подорвать кредит Лензото и пустить по миру рабочих. Забастовка подрывала власть капитала и царя. Трещенко, Теппан и Хитун действовали вполне законно, они охраняли порядок, собственность и царскую власть. Рабочие получили от Трещенко предупреждение еще 3 апреля и стало быть сами виноваты в том, что произошло. Просит для обвиняемых оправдания.

РЕПЛИКА ОБВИНИТЕЛЯ.

Забастовка не подорвала Лензото. Если-б они сразу дали те 300.000 руб., которые они дали впоследствии, забастовки бы не было. Теппан очень заботился о том, чтобы не израсходовать лишней копейки на рабочих, а войска выписывал за счет Лензото. Когда же стачка вспыхнула, он вместе с Хитуном раздражали рабочих, вели провокационную работу и науськивали Трещенко на кровавую расправу с забастовщиками.

Защитник от реплики отказывается.

Подсудимые отказываются от последнего слова.

Суд приговаривает всех обвиняемых к высшей мере наказания—к расстрелу без применения амнистии. После прочтения приговора конвойные уводят обвиняемых. Председатель указывает на значение Ленских событий, послуживших сильным толчком рабочего движения и предлагает спеть «Вы жертвою пали» в память погибших Ленских рабочих.

Отрывки из пьесы В. Плетнева „Лена“.

АКТ III-й

Действующие лица:

ЗУБОВ — забойщик.
НАСТАСЬЯ — его жена.
ОЛЬГА — их дочь.
ХРЕНОВ — «сынок», нахлебник Зубовых.
БОБРОВ — выборный от рабочих.
РАЕВ — тоже.
ТРЕЩЕНКОВ — жандармский ротмистр.
ФИЛАРЕТ — нарядчик или обходный.
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ — товарищ прокурора.
МАНЬКОВ — урядник.
1-й РАБОЧИЙ.
СТАРИК — сторож барака № 8.
ВАНЯТКА.

Голос с нар. Солдаты. Стражники. Женщины. Шахтеры — обитатели барака № 8.

БАРАК.

Уже ночь. Все спят. На нарах немного людей. Старик дремлет у печи. В некоторых каморках свет, падающий узкими лучами сквозь стены на пол и нары барака. Взади барака добавлена лампочка, освещающая входную дверь и два окна по бокам от нее.

В каморке Зубова сидит Настасья. Зубов лежит на кровати вверх лицом, рядом с Настасьей. Ольга—против них у столика, отодвинутого к середине; на поленьях сидят друг против друга Хренов и Бобров. Ванятка около кровати. Пьют чай.

Бобров, Хренов и Ольга тихонько поют. Начало песни слышно до поднятия занавеса.

БОБРОВ (запевает):

Лишь только в Сибири займется заря,
А в деревне народ просыпается.
На этапном дворе
Слышен звон кандалов,
Это партия в путь собирается.

(Ольга, Хренов, Бобров припевают):

На этапном дворе
Слышен звон кандалов,
Это партия в путь собирается.

СТАРИК (прислушивается к песне и хочется остановить поющих для порядка и нравится песня).

Арестантов считает фельдфебель седой,
По военному ставит во взводы,
А в другой стороне
Собрались мужики
И котомки грузят на подводы.

ОЛЬГА и ХРЕНОВ (припевают).—А в другой стороне и т. д.

СТАРИК (встает и во время припева входит в каморку к поющим).—Спать все полегли, не разбудить бы.

ХРЕНОВ.—Кого? Рядом дома нет, а дальше не услышат.

СТАРИК.—Так-то оно так, да-к, ведь...

БОБРОВ.—Песня что-ль нехороша, не понравилась?

СТАРИК.—Песня, куды лучше, наша, каторжная, семейская. Беспокойно.

ОЛЬГА.—Ну, ладно, не будем больше. Садись, чайку стаканчик выпей, да расскажи что-нибудь.

БОБРОВ.—Это он после чарки рассказывать горазд, а теперь под сухую трудно.

СТАРИК (весело).—И вот ты скажи. Не тянет. Ну, ни тинь-ти-ли-ли.

ХРЕНОВ.—Вот, брат-старина, прижали как.

СТАРИК.—Кто прижал? Сами миром постановили, значит, темная, шабаш. А то прижать. Я, брат, на это дело рьяной, даром, что стар. Только Христос воскрес, не успел еще до неба долететь, а меня к Филарету в гости за решетку... Потеха бывала-ча. А я во хмеле грозен бываю, с Филаретом драться лезу. Я его терпеть не люблю. А теперь?.. Теперь, брат... как есть светлый праздник. Поперек народа идти нельзя, не то дело.

БОБРОВ.—А раньше крепко бывало? (Щелкает по воротнику).

СТАРИК (смеясь).—И не говори. Когда компания была, ленцы еще не в силах тогда были, под'ему мы брали хорошо. Бывало-ча к празднику монеты—во (оттопыривает карман), вина этого всякого, хошь пей, хошь лей. Недели не хватало всех денег пропить. А как ленцы в силу взошли, похуже стало, даже, если так говорить, совсем с прежним не сравнительно.

БОБРОВ.—Д-да... Ленцы, брат...

ХРЕНОВ.—Ничего, обойдутся. А то гнули перед ними шею, вот и дожили. Видал, как Ольгуха Цинберга разделала. Своим языком заговорила. Здорово! (смеется).

НАСТАСЬЯ.—Хорошего мало. После забастовки так ли этак доймут. Вспомнят.

ХРЕНОВ (тепло к Настасье).—Эх, мамка. Не клевал тебя петух-то жареный еще. Чего испугалась? Пешком 2.000 верст, только и всего. Сухариков добудем. А себя продавать не рука. Руки взяли,—чорт с ними, а душа с телом пусть наши останутся. Выбросят... Чорт с ними, деньги у меня есть, на дорогу хватит, справимся...

СТАРИК.—Ольгуха орел! Я стар, стар, а люблю начальство под ребро ткнуть. Они гля-ка теперь не таким гоголем ходят. Опасаются. Оно и лучше этак-то. А что дальше будет? Хуже надо быть не станет. Бог не выдаст, свинья не с'ест.

(Во время последней реплики старика в дверь в глубине барака показывается фигура стражника, за ним солдата, они проходят тихо к середине барака, затем стражники возвращаются обратно. Входит Филарет, вскоре за ним Трещенков, Преображенский, Маньков, стражники, солдаты).

ФИЛАРЕТ (зовет).—Сторож.

СТАРИК.—Филарет. Ах, язви твою душу. (Выходит быстро).

БОБРОВ.—Что это он, на ночь глядя.

ХРЕНОВ (многозначительно).—А то...

БОБРОВ.—Та-а-ак. Ах, сволочи... Так и знал...

ОЛЬГА (выскакивает быстро за дверь, быстро вскакивает обратно, в волнении).—Пристав! Исправник! Жандарм!

ЗУБОВ (быстро встает).

НАСТАСЬЯ.—Господи, батюшка... Чего-й-то это?..

ЗУБОВ.—Цыц ты!

ФИЛАРЕТ (к старику).—Бобров здесь? Раев дома?

СТАРИК.—А кто е знает. В каморку стукнись. Может и дома. Боброва-же видал, заходил.

Филарет подходит к одной из каморок, стучит

ФИЛАРЕТ.—Раев дома?

ГОЛОС РАЕВА.—Дома.

ФИЛАРЕТ.—Выходи.

ГОЛОС.—Какого чорта, на ночь глядя?

ФИЛАРЕТ (повышая голос).—Выходи, говорят! Оговаривается, сволочь проклятая. (Идет дальше, видит свет у Зубова. Открывает дверь. Увидев Боброва). Вот он, голубчик. (Насмешливо к Боброву). Пожалуйте, господин выборный, за вами пришли на заседание.

БОБРОВ (стоит и насмешливо смотрит на него).—Какая же ты стервоза, старик.

(Выходит из комнаты. Филарет отступает).

ФИЛАРЕТ (к присутствующим).—Оба два на лицо. Больше здесь никого нет.

(Из каморки повыходили их обыватели. На нарах проснулись. Глухой ропот).

ГОЛОСА (с нар):
— Что вам дня что-ли не было?
— По ночам ходите.
— Сами только беспорядок устраиваете.

БОБРОВ (к группе: Хитун, Преображенский, Трещенков).—Могли бы подписку взять, никуда не уйдем, а завтра утром явились бы... А то народ будоражите, совсем ни к чему.

ТРЕЩЕНКОВ (негромко).—Не разговаривать! (К солдатам). Взять! (Солдаты становятся по бокам и сзади Боброва). Обыскать! (Стражники обшаривают Боброва).

КРУГОМ ВОЗГЛАСЫ:

«Разбойники что-ль какие?»
«Чего тут по ночам нас ловят?»
«Чего плохого сделали?»
«Праздник, а им, хоть бы что».
«Опричники, черти».

ТРЕЩЕНКОВ (грозно).—Молчать! Смирно! Марш по местам! Живо! (Подхватывает первого попавшегося под руки, толкает к каморке).

ТРЕЩЕНКОВ (на нары, где раздаются голоса).—Спать там, живо, а то рот зашью, чорт побери!

(Маньков и стражники расталкивают собравшихся: «Расходись, расходись по местам»).

ТРЕЩЕНКОВ (Хитуну).—Протокол сделаем на месте?

ХИТУН.—Конечно.

ТРЕЩЕНКОВ (Преображенскому).-Не возражаете?

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.—Лучше бы здесь... А впрочем...

ТРЕЩЕНКОВ.—Выводи.

(Раев входит. Его тоже окружают стражники и солдаты. Обыскивают).
(Солдаты и стражники выводят Раева и Боброва. За ним выходят все остальные, кроме Филарета).

ФИЛАРЕТ (оставшись, старику).—А тебе я, старый чорт, покажу, как «не видал, да «нету». Я тебе пришью память, каторжная душа.

1-й РАБОЧИЙ (с нар).—Потявкай, потявкай, в святой день собаки и те молчат, так за них.

ФИЛАРЕТ (злобно).—Допоетесь, волки этакие.

1-й РАБОЧИЙ (с нар).—Э-эх, язви твою душу!

(С нар летит к Филарету обрубок дерева).

ФИЛАРЕТ (отступает быстро).—Я с вами завтра, завтра подзаймусь. Тогда сосчитаемся. (Уходит).

1-й РАБОЧИЙ (с нар, вслед ему).—Не просчитайся, смотри. У меня голова-то одна, да моя. Плакать по ней некому.

ФИЛАРЕТ (уходя).—Не таких об'езживали.

1-й РАБОЧИЙ (с нар).—Посмотрим.

(Весь барак начинает шуметь. Все собираются около плиты).

ГОЛОСА ЖЕНЩИН.—Батюшка, да куды-ж это их?
ГОЛОСА МУЖЧИН:

«Выручать надо».
«Выборные не причем».
«Все в ответе».
«Идем, братцы, кто пойдет».
«Идем».
«Айда».

ХРЕНОВ (вскакивает на нары).—Тише, братцы. Итти сейчас некуда и не зачем. Отбить не отобьешь, а только дело испортишь. Завтра утром ,пораньше, нужно по баракам выбрать новых выборных, на другие прииски пойдем и тогда вместе к прокурору все, чтобы освободили.

ГОЛОСА.—«Разом.
«До утра их увезут, не знать куда».

ХРЕНОВ.—Выбрать надо кого-нибудь от нас, это первое дело, а беспорядка не заводить. Они хотят, чтобы мы на беспорядки сорвались, чтобы поприжать.

ГОЛОСА.—«А. ведь, верно говорит».
«Ошиблись мы, братцы».
«Выборных выбирать давай».
«Хренов пускай будет».
«Тебя».
«Ты будешь» и т. д.

(Все с возгласом):
«Утром всем прииском».
«Пусть не балуются».
«На ночь глядя, как разбойников».
Успокаиваются. Шум стихает. Пауза).

ХРЕНОВ.—Ольгуха, Ванятка. (Те подходят). Ну, Ольгуха, дела начинаются крутые... Одевайся и жарь с Ваняткой на Андреевский, узнай там, как и что. Если и там... то скажи, чтобы новых выбирали, а я на Надеждинский пройду. Посмотрим, чья возьмет еще.

(Высоко подняв руку, грозит кулаком).

ЗАНАВЕС.

АКТ IV-й.

Действующие лица:

ТРЕЩЕНКОВ — ротмистр.
ХИТУН — мировой судья.
ПРОБРАЖЕНСКИЙ — прокурор.
ОФИЦЕР КОМАНДЫ ОХРАНЫ ПРИИСКА.
ТАТАРИН ВАСИЛИЙ — рабочий прииска.
ОЛЬГА — дочь забойщика.
НАРЯДЧИК С НАДЕЖДИНСКОГО ПРИИСКА.

РАБОЧИЙ.

ВАХМИСТР.

ПЛАЧУЩИЙ СОЛДАТ.

ЖЕНЩИНА ПРОХОЖАЯ.

ХРЕНОВ — «сынок» - нахлебник Зубовых. Рабочий.

1-й СОЛДАТ.

1-й, 2-й, 3-й, 4-й РАБОЧИЕ ИЗ ТОЛПЫ.

1-й и 2-й ИЗ ГРУППЫ РАБОЧИХ.

Солдаты, стражники, рабочие. Толпа, движущаяся к конторе.

Надеждинский прииск. Вдали, слева от зрителя, пересекая сцену по диагонали насыпь узкоколейной железной дороги. Слева от зрителя—клади леса, накатаны друг на друга лесины и штабели стоек (крепежный лес). Вдоль этих кладей изгородь из кольев. По правую сторону, дальше от зрителя, также клади леса, из-за них видна крыша конторы прииска, куда идут толпой рабочие. Слева, на дороге, небольшой мост. Солдат не видно, они стоят около конторы, которая ниже насыпи и скрыта от зрителя сваленным в клади лесом.

Время 10 час. утра Легкий мороз, светит солнце. Снег по дороге слегка зачернел. Кругом в далекой перспективе «гольцы», круглые горы, покрытые снегом, играют под солнцем. Картина бодрости и свежести.

I.

(Сцена пуста некоторое время. Где-то стук топора и уханье двигателя. На дорогу от конторы входит Трещенко, Хитун и офицер команды охраны).

ТРЕЩЕНКОВ (к офицеру).—Толпа у нас будет в дефиле. Подпускать близко нельзя, я не ручаюсь за толпу. Пропустить через мост несколько шагов можно, но дальше ни шагу... ориентируйтесь хорошенько.

ОФИЦЕР.—Слушаю-с, господин ротмистр.

ХИТУН. — Необходимо предупредить солдат. Толпа, если идут все, до 3.000 человек. Пойдут с двух сторон. Отсюда большинство. Конечно, сюда все внимание.

ТРЕЩЕНКОВ.—Ну, так вот. Осмотритесь хорошенько. (Хитуну). Идемте, там, кажется, есть чай.

(Идут, останавливаются, заглядывают, не сходя с дороги, в интервалы между штабелей. Уходят. За ними уходит и офицер. Пока офицер на дороге, с прииска на прииск проходят несколько людей по одиночке. Вслед за ними по дороге, справа, показываются 1-й и 2-й из толпы и Хренов).

1-й ИЗ ТОЛПЫ.—Ну, вот и присадили, что на курьерских. Давай здесь поприсядем, да закурим. К конторе одним итти не стоит... Вместе тогда...

2-й ИЗ ТОЛПЫ.—Давай. У тебя бумажка есть-ли? Моя смокла.

1-й ИЗ ТОЛПЫ.—Есть. Не хошь в кривую, верти в прямую. Сам Михей ее курил и жестоко похвалил.

(Закуривают. По дороге идет по направлению к конторе женщина, за нею мужчина, другой).

1-й ИЗ ТОЛПЫ.—Тетя, Христос воскрес, касатка.

ЖЕНЩИНА (весело).—Воистину, родимый, воистину.

2-й ИЗ ТОЛПЫ.—Мы к тебе счас чай пить, только вот сознательны записки подадим.

ЖЕНЩИНА (не останавливаясь).—Милости просим.

3-й ИЗ ТОЛПЫ (подходя).—Круг стола брюхо чесать. В гости позвала, а адрес сказать позабыла. Здорово.

1-й ИЗ ТОЛПЫ.—Здорово. Мы без адреса найдем.

3-й ИЗ ТОЛПЫ.—Разве только.

4-й ИЗ ТОЛПЫ (подходя).—Никого еще нет, а я наддавал иноходью, аж взопрел. В чем тут дело-то у вас? Идут, мол, все, а зачем,—не сказали.

ХРЕНОВ.—А ты где-же был, когда выборных арестовывали?

4-й ИЗ ТОЛПЫ.—Да на охоте мы... Побродили малость.

ХРЕНОВ.—То-то, на охоте. Были вчера у прокурора, просили освободить, а он ото всех не принял заявления, пусть каждый, говорит, сам подает. Вот мы и приготовили. Каждый написал записку, что выборные не причем, все сознательно сами забастовали, никто не подстрекал.

2-й ИЗ ТОЛПЫ.—Сейчас у прокурора будет работа. Мы ему по деликатному: вот, мол: «гебен зи мир, господин прокурор, вам сознательна записка. Никто меня не подстрекал, и сам я есть настоящий забастовщик». И этак ему 3.000 раз. То-то бумаги будет! (Смеется).

(Входит группа).

1-й ГОЛОС ИЗ ГРУППЫ.—Ну, вот, здесь уже кое-кто есть. Надо закурить, дальше пока идти незачем.

(Рассаживаются по бревнам. Курят. В это время на насыпи показывается: Трещенков, Хитун и Преображенский. Играя в снежки, подбегает 2-я группа рабочих, сталкиваются друг с другом, шумливо борятся. Хлопаю друг друга рукавицами. Присутствующие смеются).

2-й ГОЛОС ИЗ ГРУППЫ.—Черти, всю мою сознательную записку измазали. Не примет прокурор, снова писать придется.

ГОЛОСА.—Напишешь еще. Делов-то только. Пиши, да ходи, ходи, да пиши.

(Показываются первые ряды толпы. Толпа идет нестройно, как попало, к месту начинают уплотняться, многие отходят в сторону и забираются на клади леса. Раздается звук трубы—сигнал «сбор»).

1-й ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ.—Что это? Ай, стрелять собираются?!.

2-й ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ.—Видать, не солдат. Это сбор только, стреляют по команде. Одначе, идем, братцы.

(Встают, вмешиваются в толпу. Толпа сдвигается плотнее, чувствуется, что задние ряды напирают. **Толпа проходит мост. В толпе** слова, шутки, смех иногда. Трещенков делает знак. Раздается залп, один, два выстрела отстают. По толпе проносится тяжкий стон: «А-а-ах!» Крики: «Ложись!» На сцепе сразу становится темно).

1-й ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ.—На японцев шел, не убили, так пусть здесь добьют. Не лягу, будете вы, анафемы, прокляты!..

(Мертвая, долгая пауза. Сцена во тьме).

II.

(На сцене светло. Группа рабочих, убирающих раненых. Среди них Хренов).

2-й ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ.—Так вот, растреляли, и все. Не пойдете—один пойду (идет к конторе).

ОЛЬГА (вбегает к Хренову).—Где отец?

ХРЕНОВ (машет рукой вперед по дороге).—Там, туда увезли...

ОЛЬГА (склоняется на штабель).—А-а-ах!..

(На сцену скорым шагом входят солдаты, взволнованные стрельбой).

СОЛДАТЫ.—Расходись, расходись! Чего стоишь? Уходи от греха!

(Рабочие расходятся).

ОЛЬГА (к солдатам).—Расстреляли братьев своих своими руками.

1-й СОЛДАТ.—Иди, иди, не разговаривай.

(Преображенский, Хитун, Трещенков сходят с насыпи, по ней расставляются редкой цепью солдаты в два ряда, лицом к зрителю и обратно. Солдаты возвращаются обратно. Один солдат отстает. Опирается на штабель леса, спиной к зрителю, плачет. Слышны голоса, солдат встряхивается и идет вперед, к конторе. Входят стражники, служащие, подбирающие раненых и убитых, проходят к конторе).

1-й СТРАЖНИК.—Эх, крови-то!!!

2-й СТРАЖНИК.—Ну, ты еще каркай.

(Входят: нарядчик, за ним рабочий).

НАРЯДЧИК.—Кровь убрать надо. Ротмистр велел. Ничего не поделаешь.

РАБОЧИЙ.—Натворили делов. Убирай не убирай, не уберешь теперь.

НАРЯДЧИК.—А ты помалкивай, пока цел. Сказано убирать—убирай, а поговорим потом.

(Со стороны конторы идут: Василий—татарин, с ним другой рабочий).

НАРЯДЧИК.—Эй, Василь Иванович, иди-ка кровь засыпать. Снежком ее.

ВАСИЛИЙ.—Человеческий кровь не могу. Снег не засыпешь, таять будет, красный будет. Черным надо закрывать, уголь ссыпать. Снег белый очень, кровь горячий, красный...

НАРЯДЧИК.—Иди-ка, иди, потом поговорим...

ВАСИЛИЙ.—Не буду. Кто стрелял? Ты стрелял! Солдат стрелял! Сам убирай. Шайтан ты.

(Идут дальше. Нарядчик и рабочий лопатами засыпают снегом окровавленные места. Входит Трещенков).

ТРЕЩЕНКОВ (к работающим).—Сколько тут вас? Двое. Марш в Казарму, чтобы сейчас еще были, убрать здесь все. Живо!

ВАХМИСТР.—Слушаю-с.

ТРЕЩЕНКОВ (достает портсигар, медленно закуривает).—Ну-с, этого, я надеюсь, им будет достаточно. (Пауза... Мертвая тишина)...

Тихо опускается ЗАНАВЕС.

АКТ V-й.

Действующие лица:

СТАРИК—сторож барака № 8.
НАСТАСЬЯ—жена забойщика Зубова.
ОЛЬГА—ее дочь.
ХРЕНОВ—нахлебник Зубовых.
НАРЯДЧИК.
1-й РАБОЧИЙ.
2-й РАБОЧИЙ.
3-й РАБОЧИЙ.
МОЛОДОЙ ШАХТЕР.
СТАРЫЙ ШАХТЕР.
Рабочие, женщины.

Декорация 2-го действия: барак № 8. Утро. Людей немного, полки над нарами опустели. Несколько человек собираются уезжать. Увязывают вещи. В каморке Зубова—Настасья, Ольга и Хренов также собирают вещи. Около плиты стряпня, несколько человек, среди них старик, сумрачный, молчаливый. В окна бьют лучи солнца. Настроение у всех тяжелое.

1-й РАБОЧИЙ (связывает котомку, связав перекидывает ее на плечи, примеряя.. Перетягивает бичеву. Примеряет).—Так. Лежит, как пух. Ну, свисти машина, я пошел. (К товарищам). Ну, вы скоро?

2-й РАБОЧИЙ.—Сейчас, только лямку подзавью. (Завивает веревочку)

3-й РАБОЧИЙ.—А я переобуюсь. Сенца свеженького постелю. Отсырели катанки-то.

1-й РАБОЧИЙ.—Ну, вали, да пошевеливайся. Не с родными прощаться. (К старику). Ну, а ты, старина, шел бы с нами. Пра. Чего тебе тут?

СТАРИК.—Куды пойдешь? (Махает рукой). От нар до печки и то по собачьи, на четвереньках, а тут две тысячи верст. Не шутка.

2-й РАБОЧИЙ.—А мы тебя на перекладных, в санках, по очереди. До Бодайбо довезут, а там купим санки, колоколец

на шею себе подвяжу. Как на почтовых. Только посвистывай.

СТАРИК.—Нет, уже отходился я, видно. Туда, уж, куда все о пасху пошли, к ним пойду, они поближе.

3-й РАБОЧИЙ.—Помирать, выходит, задумал?

СТАРИК.—Выходит, что так.

1-й РАБОЧИЙ.—Дело не хитрое, только ты еще поживешь, Битая посуда два века живет. По лету отдыхаешься.

(Во время всего разговора Настасья, Ольга и Хренов собирают вещи).

ОЛЬГА (связав набитый ею мешок).—Мама, кошемку завертывать не буду. Ноги накрыть тебе надо.

НАСТАСЬЯ.—Ладно, оставь. Достань только мясо там, у старика спроси, не забыть бы. (Она осунулась, постарела. Ольга выходит. Настасья лезет на койку, хочет снять висящую в углу икону, не может ее отцепить, к Хренову). Помоги-ка, Сеня, снять образок. Пальцы не владеют. Не отвяжу никак.

ХРЕНОВ.—А на что он тебе? Пусть останется. И без него не скучно.

НАСТАСЬЯ (строго).—Не лопочи. На него Николай молился и должен он со мною быть. (Тоном приказания). Сними!

ХРЕНОВ (влезает, дергает образок и обрывает веревочку).—На, вот.

НАСТАСЬЯ.—Колечко оборвал, дурья голова!

ХРЕНОВ (досадливо машет рукой).—И без него ладно. Пойду посмотрю, как там насчет лошадей. (Выходит).

НАСТАСЬЯ (к Ольге).—Помоги-ка, Ольга. Руки не владают, ну, никак, ничего. Сундучек завязать нужно. Да сковородку с чугункой связать, как ни на есть. Чайник так привяжем. К мешку.

ОЛЬГА (собирает вещи в сундучек, увязывает его).

НАСТАСЬЯ (стоит около койки, поворачивается, смотрит долго на нее, опускается на колени, склоняет голову на койку. Рыдает).

ОЛЬГА (услыхав, обертывается, встает от сундучка, стоит в нерешительности, потом поднимает мать, сажает ее на койку).—Экая ты... глупая. Слезами не поможешь. Только себя всю измучила.

НАСТАСЬЯ.—Пойду, говорит, посмотрю, что люди делать будут. Со всеми вместе...

1-й РАБОЧИЙ.—Ну, айда-те, ребята... (2-й и 3-й рабочий забирают котомки, собираясь выходить. Идут к двери).

(Дверь отворяется. В нее вбегает молодой шахтер, машет над головой газетой, за ним Хренов).

МОЛОДОЙ ШАХТЕР (машет газетой). — Газета, братцы, про нас, питерская, все, как есть... (Задыхается). Только сегодня достали... забастовка.

(Возгласы удивления и интереса).

1-й РАБОЧИЙ (вырывая у него газету).—Ленские события... (Смотрит бегло газету).

ГОЛОСА.—Читай, всем чтоб!.. Чего уткнулся?

МОЛОДОЙ ШАХТЕР.—Белозеров приказал газеты на прииска не пускать... ребята на пикете достали.

ГОЛОСА.—А соб-бака и тут не унялся...

Скоро, что-ль?

2-й РАБОЧИЙ (читает, все тесным кругом обступают его, чтеца не видно, только слышен его голос, твердый и отчетливый).—Ленские события. Петербург, 8 апреля. Вчера забастовали 18.000 рабочих Путиловского завода в знак протеста против зверского расстрела на Лене. К ним присоединился ряд заводов Выборгской стороны. Более двух третей рабочих Петербурга об'явили однодневную забастовку. Движение разрастается. Получены сведения, что заводы и фабрики Москвы, Харькова, Иваново-Вознесенска. Ростова-на-Дону, Сормова и др. бастуют. Улицы Петербурга охраняются усиленными нарядами полиции. Рабочие Путиловского завода организовали демонстрацию протеста. С пением похоронного марша и красными знаменами 18.000 толпа в полном порядке двинулась к центру, где была встречена конными жандармами.

ВСЕ.—Жандармами!!??

2-й ШАХТЕР.—Столкновения не было. По всем заводам происходят митинги.

СТАРЫЙ ШАХТЕР.—В-оот, во-о-о-от, как по нашему...

ДРУГИЕ.—«18.000...»

«Бастуют все...»

«Вся Россия...»

«Вся Россия всколыхнулась...»

«Нашей кровью...»

ХРЕНОВ (старику, хлопая его по плечу).—Видел, старче... За нас поднялись ребятки... Не одни мы, стало быть... Все с нами и мы с ними едины...

СТАРИК.—Своя кровь-то, родная...

ГОЛОСА.—«Читай!»

«Дальше читай!»

«Потом поговорим».

2-й РАБОЧИЙ.—В Думу внесен запрос депутатами левого крыла. На Ленские прииски срочно выезжает комиссия депутатов для обследования всего происшедшего на месте.

ГОЛОСА.—«Во-о-от».

«Посмотрят, как живем».
«Увидят сами».
«Ленцам хвост прижмут».

ХРЕНОВ.—Кровь наших товарищей не пропадет даром. По одному нашему рабочему сердцу ударило всех. Они расплатятся за наших товарищей... Со всеми, кто там наверху, в Питере, в Лондоне и везде.

НАРЯДЧИК (входя).—Эй, кто тут едет? Кони готовы, ждать не будут.

ГОЛОСА.—Успеешь.

ХРЕНОВ.—Мы уезжаем, товарищи. Кто останется, ты, старик, и все расскажите всем, кто придет сюда, что на пасху, на светлый день нам дали добрых семь сотен пуль в награду за наши труды, за твой ревматизм, за Олю, за Настю, за все их страданья. Свинцом. Детям расскажите. Сведите их на могилы, пусть запомнят и младенцы во век веков, как заплатило нам «Лензото»... Пусть помнят великое кровавое воскресенье на Лене. И прокляните великим проклятием того, кто скажет о погибших дерзкое слово. Пусть будет трижды проклят тот, кто, хоть на минуту, благословит этот мир золота, крови, проклятья и слез, где за труд платят свинцом, где за неизбывные страданья под землей дерут три шкуры... Мы уходим, но будем снова с вами. Мы еще придем сюда. Скоро придем. С новою жизнью сюда. Хозяевами. (К старику). Прощай, родной. Не забудь нас, а мы там расскажем всем о крови, пролитой здесь. И мы еще поборемся там.

(Настасья и Ольга подходят к старику).

НАСТАСЬЯ.—Прощай, дорогой. Дай-те бог пожить еще. (Целуется).

ОЛЬГА.—Прощай, деда (обнимает его).

СТАРИК.—Прощайте. (Хочет что-то сказать, но не может, душат слезы, отворачивается, уходит вглубь барака).

ХРЕНОВ (прощается со всеми).—Ну, айда, вперед!

(Уходит, запевая, песня разливается широко и мощно).

ЗАНАВЕС.

---

* * *

Завод дымил огромной черной грудью. Смутный гул, похожий на подземный вулкан, стоял под ним. Почерневшие стены слегка вздрагивали от могучих ударов паровых молотов.

Внутри его, как в пасти прожорливого крокодила, загнанные тяжелой нуждой, трудились тысячи рабочих. Всесильный, жадный капитал стянул сюда париев буржуазного общества, приковав к станкам и горнам сильней, чем цепи Прометея.

Медленно, как удав, наслаждаясь своей силой, он давил жертвы. Жизнь молодых и старых превращалась в груду золота и пополняла бездонные карманы хищников.

И над всем этим, как жандармы, высились исполинские трубы.

Завод, словно раненый зверь, издал протяжный вой. Вторя ему, из сотен измученных грудей вырвался вздох облегчения.

Наступил обед.

Группами и одиночками рассаживались рабочие. Около одного станка с десяток обедающих оживленно переговаривались.

Покончив с едой, все потянулись за чаем.

— Кирюша, прочти нам о ленских событиях. Да садись сюда, в середину,—проговорил один.

Кирюша, молодой рабочий с бледным лицом и голубыми задумчивыми глазами, немедля исполнил просьбу товарища.

Наступила минутная пауза.

— Кровавый кошмар. Убито 270, ранено 250,—начал Кирюша.

— Кого это столько?—Не поняв спросил подошедший рабочий.

— Нашего брата... Кого? Не капиталистов же,—желчно проговорил один.

— ...Стреляли в лежавших и бегущих,—продолжал чтец.

К станку подходили все новые и новые рабочие. Скоро образовалось тесное кольцо вокруг Кирюши. Молодой голос его звучал волнующе в толпе.

Перед слушателями развернулись страшные зверства в далекой сибирской тайге.

Там угнетенные рабочие вставали за свои попранные права, омыли золотые недра земли своей нивинной кровью. Там, в угоду алчным капиталистам, брат расстреливал брата.

И теперь над далеким горизонтом поднялась кровавая заря. Тени мучеников, протягивая руки, взывают к своим братьям: проснитесь. Чаша народного терпения плещется во все стороны!..

Кирюша кончил: но голос его, как призывный набат, стоял еще в ушах рабочих.

Не одна слеза скатилась уже с ресниц пожилых, не один кулак сжимался, и не одна темная голова поняла,—что значит великая, беспощадная борьба труда с капиталом...

Рабочий Алексеев.

***

В холодном мраке рудников
Проклятья слышатся и стоны,
Позорных, ржавчатых оков
Несутся стуки, лязги, звоны...

Душа смятенная темна,
Душа томится, ждет ответа,
Когда-ж осветится она
Лучем желанного рассвета.

Антон Путиловец.

На Лене.

По шахтам, рудникам, каменоломням
Согбенные погибелью могил,
На свет вы вышли простонать: „Нет сил“,
И вас убили. О, мы Лену помним!
В глухое небо лицами, глазами
Вы, мертвые, лежали с братом брат,
Вы, множество, в той беспримерной драме...
Прикован был к скале пролетариат
Как Прометей,
Как Прометей, цепями...
Но пробил час,
Цепей уж нет в помине.
Воздвигнуть, на пласты кладя пласты,
Им памятник рукой племен и рас—
Пролетариат, на стройку выйди ныне!
Преобрази всю землю - солнце ты!

И Филипченко.

„Ленцы:“

(Стихотворение рабочего Шкулева).

Под тяжестью горя, под скорбные стоны,
Они вам ковали всю жизнь миллионы,
Они коротали бессонные ночи
И блекли от слез их усталые очи.

Их руки и ноги висели как плети,
Голодными чахлыми были их дети...
Они для вас тратили лучшие силы,
А вы угостили за то их могилой.

Уже-ли вам, сытые люди, не стыдно!
Вечная память погибшим невинно!
Всю жизнь тяжкий труд они только видали,
Болели, трудились и век голодали.

Валялись, как чурки в развалинах тесных,
Страдая терпели, как скот бессловесный.
Желали-ж, немногого: лишь хлеб без песочка,
Да в сутки убавить с труда полчасочка.

И только за это, что мало просили,
Их щедро горячим свинцом угостили...
О, как вам, жестокие люди, не стыдно!
Вечная память погибшим невинно!

На Лене.

Мрачно, уныло, угрюмо стоят
Высокие горы в молчании диком,
Их вечно печальный, суровый наряд
Гласит о безмолвии камня великом.

И ветер поведал им повесть свою
О том, что в далеком сибирском краю
Невинная кровь пролилася рекою,
И у нас проклятье висит над тайгою!

Он им говорил, что рабочие пали
В далекой Сибири, за право в борьбе!..
Что землю на пользу богатым копали,
И смерть обрели лишь себе!..

Что с клятвой великой гасли их взоры,
С проклятьем на веки закрылись уста...
Но горы молчали.. Бездушные горы,
Их повесть не тронула та...

Не тронут их горе, страданье людское...
Им чужд ясной мысли великий простор,
И с тихим рыданием, с грустной тоскою
Ветер отпрянул от каменных гор.

Рабочий.

Лена.

Их встретили тревожным смехом...
Смерть взбунтовавшимся рабам.
Команда... Залп... и залпом эхо
Загрохотало по горам..

Тайга глуха... Не выдаст тайны...
Конец кровав и дик и прост:
Расстрелянных за той окрайной,
Овьюженный покрыл погост.

Но крик борьбы громовым валом
Крик окровавленного рта
Тайга тайге передавала
В пылающие города.

И капли те, что леденели
Закатным золотом на льду,
В знаменах наших зазвенели
Освобождение Труду.

Обрадович.

ЛЕНА.

(Ленский расстрел рабочих).

Жена кормильца-мужа ждет,
Прижав к груди малюток-деток.
— Не жди, не жди, он не придет:
Удар предательский был меток.
Он пал, но пал он не один:
Со скорбным, помертвелым взглядом
Твой старший, твой любимый сын
Упал с отцом убитым рядом.
Семья друзей вкруг них лежит,—
Зловещий холм на поле талом!
И кровь горячая бежит
Из тяжких ран потоком алым
А солнце вешнее блестит!
И бог злодейства не осудит!
— О, братья! Проклят, проклят будет,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит!

1912 **Демьян Бедный.**

БИБЛИОГРАФИЯ.

1. **„Правда о Ленских событиях“** изд. Баташева--1913 г.

Чрезвычайно ценная книга, представляющая из себя материал собранный адвокатами, выехавшими расследовать ленские события. Лучшее пособие по изучению событий.

2. **Тюшевский.**—„К истории забастовки и расстрела рабочих на Лене“ П. Госиздат. 1921 г.

Популярная история ленских событий, написанная участником адвокатской комиссии по обследованию ленской забастовки. Хорошо передан фактич. ход дел.

3. **Викторов**—Лена—Красная Новь. 1922 г.

4. **Из эпохи** „Звезды и Правды“. Вып. I.

Чрезвычайно богатая фактическим материалом по рабочему движению периода ленских расстрелов. Очень ценная книга.

5. **А. Невский**—Ленский расстрел. 1912 г.

Автор пытается оправдать „Лензолото“ и свалить всю вину на самодержавие. Несмотря на тенденциозное освещение в кадетском духе,—богата фактическими данными.

6. **Плетнев—Лена**—Пролеткульт. 1923 г.

Компиляция из приведенных выше источников. Богата документами событий.

7. **Каменев.** Между двумя революциями—Новая Москва—1922 г. ст. Ленская бойня и 3-ье июньская монархия.

8. **Всеподданнейший доклад.** Сенатора Манухина о ленских событиях—1913 г.—Петроград.

9. **Стенографические отчеты** заседаний 3-ьей Государ. Думы 5-ая сессия том III стр. 3275, 3332, 3371, 3587, 3624.

10. **„Былое“** 1922 г. № 20.

см. ст. Н. Ростова—„Новое о ленских событиях“ и Ш. Левина—„К истории забастовки на ленск. зол. приисках“.

11. **Архив истории труда в России** изд. Культ. отд. Ленингр. ГСПС № 4—1922 г.

ст. А. Блека. „Рабочие на ленск. золотых приисках“.

12. **Красная летопись**—орган Ленинградск. Испарта № 2-3 1923 г.

ст. Невского—К десятилетию Ленск. растрел. и прилож. выдержки из отчета сенатора Манухина.

13. **Пролетарская революция**—орган Испарта № 3 (15) 1923 г.

ст. Волковича—„Отклики ленск. событий в Москве“ и приложен.

14. **Сибирский горнорабочий**—изд. обл. союза горняков—1918 г. № 3—Томск.

ст. Кудрявцева—Воспоминания.

15. **„Ленский растрел“** Молодая гвардия—1925 г.

16. **Спутник коммуниста**—МКРКП № 14—1922 г.

ст. к годовщине ленск. событий.

17. **Пролет. революция**—№ 5—1922 г.

ст. Лелевича—Ленский расстрел.

Газеты: „Звезда“ „Правда“ „Социал-Демократ“ „Правда“ (Вена) за 1912 год. Апрель.

Газеты: Русское слово, Речь, Новое время и др. за апрель 1912 г.

Журналы: Просвещение (Маркситск.) за апрель, май, июнь 1912 г. Русское Богатство, Современный мир, Вестник Европы, Заветы и др. „толстые“ журналы за 1912 год.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Предисловие 3

2. „Ленские события" 5

3. Ленский расстрел и Государственная Дума 13

4. Из прений Гос. Думы о Ленских событиях 16

5. Ленские события в освещении современной партийной прессы 26

6. Воспоминания о Ленском расстреле 32

7. Документы 50

8. Календарь Ленских событий 58

9. „Лена" в клубах

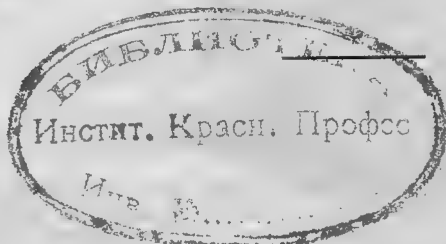
а) Политсуд над ротмистром Трещенко 60

б) „Лена" Плетнева. Отрывки из пьесы 66

в) Стихи и проза 78

10. Библиография 83

3.

Иваново-Вознесенский Гублит № 641.

